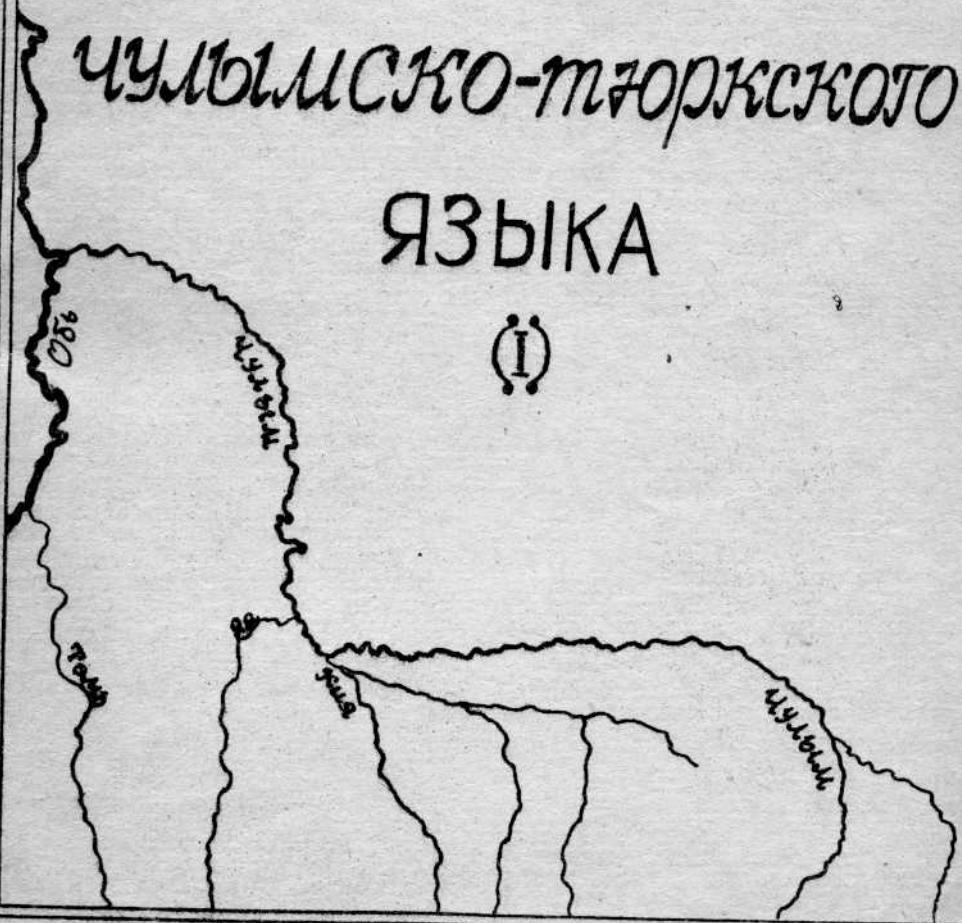
67.92-а

Р.М. Биржакович

МОРФОЛОГИЯ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

(I)

81.63
Б64

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Р.М.БИРЮКОВИЧ

МОРФОЛОГИЯ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ №I. Категория имени существительного

/ Учебно-методические материалы /

, 6792, с

Глубокоуважаемой
Тельмине Ивановне
от автора
Р. Бирюков

Библиотека
ТГПУ
инв.№ Д 4066

МОСКВА 1979

Предисловие

Данное пособие представляет собой первую часть морфологии чулымско-тюркского языка. В ней впервые рассматриваются категории падежа, принадлежности и числа имени существительного.

В тех немногочисленных работах, которые посвящены данному языку, указанные категории не были предметом специального анализа (Малов, Ураев, Доможаков).

А.П.Дульзон, фактически первый исследователь этого языка, описал временную систему чулымско-тюркского глагола (Дульзон, 1960, 101-145), главным образом, на материале нижнечулымского диалекта. В работах, посвященных говору дер.Ежи (Ураев) и нижнеюсцам (Доможаков), даются отрывочные сведения по фонетике, лексике и морфологии. Очерк О.Прицака по чулымско-тюркскому языку (Pritsak) полностью основан на работах А.П.Дульзона. Именные категории А.П.Дульзоном специально не исследовались, они лишь упоминаются им в очерке "Чулымско-тюркский язык" (Дульзон, 1966). Таким образом, выбор темы данной работы определен отсутствием специальных исследований по именным категориям чулымско-тюркского языка.

При описании указанных категорий мы следовали традициям, сложившимся при описании различных тюркских языков и их отдельных категорий в работах Н.А.Баскакова (1950,1958,1966,1972), Н.З. Гаджиевой (1970,1972,1973,1975), М.К.Дмитриева (1948,1954,1956, 1962), А.П.Дульзона (1952,1956,1966,1973), Н.П.Дыренковой(1940, 1941, 1948), С.Н.Иванова (1969,1975),Ф.Г.Исхакова и А.А.Пальм-

баха (1961), Н.Ф.Катанова (1903), А.Н.Кононова (1956, 1960), К.М.Мусаева (1964), Б.А.Серебренникова(1964, 1965, 1970, 1974), З.Р.Тенишева (1968, 1966, 1976а, 1976б), Е.И.Убрятовой (1950, 1976), Щербака (1977).

Сложность поднимаемых здесь проблем и, в частности, категории падежа, вызывает необходимость применения комплексного метода анализа (о невозможности описать категории языка с помощью какого-либо одного метода см. Серебренников, 1976, 46). В данной работе категории исследуются на основе метода грамматических оппозиций, дистрибутивного метода и методов семантического анализа предложений.

Поскольку язык чулымских тюрок относится к бесписьменным языкам, источниками анализа явились: 1) девять томов полевых записей (по 700, 400, 800 страниц), два тома из которых были записаны А.П.Дульзоном, побывавшим во всех пунктах проживания чулымских тюрок (в 1945-50 гг.), два тома были записаны Р.А.Бони, остальные - автором данных очерков во время ежегодных экспедиций с 1970 по 1978 гг. в дер.Минаевку и Тургай Томской области (нижнечулымский диалект), в пос.Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края (мелетский говор среднечулымского диалекта) и пос.Тегульдет Томской области (тутальский говор среднечулымского диалекта); 2) записи разговорной речи на ферромагнитной пленке. Материал получен от 42 информантов.

Чулымско-тюркский язык, как было упомянуто выше, не имеет письменности, поэтому все записи даются в транскрипции. Различное написание одного и того же слова, а также различные формы выражения одних и тех же категорий связано с междиалектными и внутридиалектными различиями, поэтому после приводимого примера в случае необходимости, даются пометы: нч - нижнечулымский;

срч.- среднечулымский; т - тутальский говор среднечулымского диалекта; м - мелетский говор среднечулымского диалекта.

Примеры по другим тюркским языкам Сибирского ареала при необходимости приводятся со ссылкой по работам Н.А.Баскакова, М.И.Боргоякова, Н.П.Дыренковой, Д.Ф.Пастачаковой, Д.Г.Тумашевой, Г.Г.Фисаковой.

Сноски оформлены следующим образом: на месте ссылки указывается фамилия автора и страницы сочинения (наименование работы указывается в списке использованной литературы). Если в списке значатся несколько работ одного автора, то указывается год.

Автор выражает свою искреннюю благодарность докт.филол.наук Н.З.Гаджиевой, взявшей на себя нелегкий труд редактирования работы, за консультации и советы по затрагиваемым здесь вопросам. Автор также считает своим приятным долгом выразить признательность к.ф.н. Е.Л.Кривченко, предоставившей возможность ознакомиться с её работой "Система семантических актантов и место Агента" в рукописи, некоторые положения которой были использованы автором при интерпретации падежной системы чулымско-тюркского языка, а также к.ф.н. Л.А.Соколовой за ряд ценных и критических замечаний, сделанных при подготовке рукописи к печати.

Автор выражает научным сотрудникам сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР искреннюю признательность за доброжелательную критику и ценные замечания при рецензировании и обсуждении работы.

Введение

Проблемы, связанные с категориями падежа, числа и принадлежности в тюркских языках, являются до сих пор дискуссионными в силу сложности самой природы этих категорий, относящихся, как нам представляется, к категориям различного характера. Являясь грамматической, например, категория падежа состоит из разноплановых элементов, словоизменительных и классифицирующих. Причем, функция классификатора, отмеченная нами в некоторых формах падежа, например в винительном и родительном, а также в категории принадлежности, проявляется ситуативно, т.е. в отличие от выделенных в языкознании классифицирующих категорий (Маслов, 167) для отнесения к которым основным критерием является отрицание противопоставления значений в пределах одной лексической единицы (например, категория рода в русском языке), в тюркских языках речь идет не о постоянной классификации, закрепляющей постоянные семантические классы, а о ситуативной классификации. Некоторую аналогию можно провести с германским артиклем, но в отличие от германского артикля в тюркских языках классификация осуществляется не по одной оппозиции определенный/неопределенный, а по различным оппозициям: свой/чужой, отчуждаемый/неотчуждаемый, включенный/невключенный (в сферу существования субъекта) и т.д., т.е. предметы классифицируются по разным типам отношений.

Прежде чем перейти к описанию категорий падежа нам бы хотелось остановиться немного на тех исходных позициях, которыми мы руководствовались при анализе всей системы падежей в целом и определении места каждого элемента в этой системе.

Категория падежа характеризуется многоплановостью, в которой скрещиваются разные уровни. С одной стороны, это категория

морфологическая, обладающая регулярными формами выражения, т.е. является словоизменительной, с другой - выражает отношения между словами. В силу этого она оказывается как бы на перекрестке этих категорий, морфологической и синтаксической (см.Грамматика русского языка, 326). Для того, чтобы определить её специфику в плане содержания необходимо, по-видимому, обратиться к семантическому синтаксису, поскольку основной, первичной функцией падежа является выражение (с помощью формальных средств) семантико-синтаксических отношений.

При анализе плана содержания предложения различают глубинную структуру и семантические элементы этой структуры или актанты. Глубинную структуру рассматривают как способ именования сложного объекта, называемого ситуацией (Сусов, 17). Под ситуацией понимают чаще всего отражение в сознании отрезка реальной действительности (Гак, 358-359).

Семантический уровень анализа предполагает решение нескольких проблем: проблему уровня ситуации, проблему внутреннего устройства участника ситуации, проблему состава участников ситуации и проблему семантических обозначений участников ситуации (Успенский, 67-68). При решении проблемы уровня ситуации выделяют различные типы ситуации (см.различные трактовки М.С. Венскович). Поскольку мы оперируем не самими участниками ситуации, а способами их обозначения, то для нас, практически, не имеет значения уровень ситуации, поэтому в дальнейшем при обращении к семантическому уровню анализа мы будем пользоваться просто термином ситуация (событие). В решении проблемы внутреннего устройства участника ситуации, что потребуется при анализе комитативного значения инструментального падежа, мы придерживаемся точки зрения Б.А.Успенского. (Успенский, 71, 72).

В составе участников ситуации выделяют различное количество актантов. По-видимому, ни у кого не вызывает сомнения включение таких актантов как субъект, объект, адресат и инструмент. Что же касается включения в состав участников таких актантов как источник, предел, результатив, локатив и др. (Fillmore, 24), то вопрос пока остается спорным. Одни исследователи включают их в актантный класс, другие в класс конкретизаторов предиката, т.е. выводят их из состава участников. Это обстоятельство говорит о том, что отсутствуют четкие критерии при включении элемента в набор актантов.

Для того, чтобы включить элемент в состав актантного набора, необходимо выявить общий признак, который служит основанием объединения их в один класс. Очевидно, количество актантов конечно и, можно предположить, что они образуют упорядоченную систему (Кривченко). Для того, чтобы их описать необходимо найти оппозиции и соответствующие дифференциальные признаки, посредством которых организована данная система элементов (актантов). Нам представляется, что наиболее последовательно этот вопрос разработан Б.Л.Кривченко. Согласно её концепции актанты объединяются общим признаком, который определяется как отношение причастности к событию (ситуации). Отношение причастности подразделяется на два типа, определяющих и ранг актантов. Первый тип отношений определяется как отношение к совершаемости события. Актанты, объединенные данным типом отношения, являются актантами первого ранга. Это субъект, объект, адресат, инструмент. Второй тип отношения определяется как отношение причастности актантов к месту, в котором совершается событие. Этот тип отношений выражают актанты второго ранга. Само понятие причастности актантов к событию делится по двум основаниям:

I) по характеру связи (непосредственная/опосредованная) и 2) направленности к месту (совершения действия). На первом уровне выделяются субъект, объект, адресат, инструмент и их отношения внутри участников события, ситуации; на втором уровне ею выделяются те же актанты, но не в плане отношения между собой, а в плане их причастности к месту. Эти отношения описываются в тех же терминах, что и отношения между участниками ситуации. Отношения между самими участниками ситуации (события) определяются характером каждого из них.

Так, субъект ситуации - это отправная точка (Сепир, 73), "точка отсчета в построении отношений между предикатными предметами одного предиката (Ломтев, 301), т.е. семантический субъект характеризуется признаком исходности (от него направлено действие на объект). Объект, таким образом, также характеризуется признаком направленности, но не от него, а к нему. Инструмент является посредником осуществления действия, которое направлено от него. При участии адресата действие направлено от субъекта к нему, т.е. на семантическом уровне можно говорить о противопоставлении предметов - участников ситуации по признаку направленности: от - к .

Второй признак, выделенный на семантическом уровне, по которому противопоставлены участники ситуации, характеризуется способом связи между актантами. Здесь отмечают прямую и косвенную связь (непосредственную-опосредствованную, Ломтев, 304). По этому признаку субъект и объект (непосредственно связанные с действием) противопоставлены адресату и инструменту, которые связаны с действием опосредствованно, косвенно.

Таким образом, можно говорить о следующих семантических оппозициях в системе актантов:

I. по способу связи:

прямой - косвенный

П. по направленности

от - к

Согласно Ь.Л.Кривченко на основе этих оппозиций строятся отношения как между актантами, первого уровня семантического анализа, так и между актантами второго уровня семантического анализа, т.е. отношения между актантами второго ранга описываются в тех же терминах: непосредственная - опосредственная причастность актантов к месту события, а также отношение участников события по направленности к месту (от - к).

Опираясь на принцип изоморфизма семантической и синтаксической структур, лингвисты выделяют синтаксические оппозиции, коррелирующие с семантическими:

I. по способу связи: прямой - косвенный

(синтаксический объект - синтаксический адресат,

синтаксический субъект -синтаксический инструмент;

прямое дополнение - косвенное дополнение,

подлежащее - косвенное дополнение)

П. по направленности:

от синтаксического субъекта - к синтаксическому объекту,

от синтаксического инструмента - к синтаксическому адресату

Эти четыре синтаксические позиции могут быть выражены в структуре предложения. В результате каждый из синтаксических актантов соотносится с реальным участником события опосредствованно, через семантический актант (Об опосредствованном ха-

рактере синтаксических структур см. В.З.Панфилов, 119).

Основываясь на изложенном понимании семантической структуры высказывания и исходя из отмеченных выше двух уровней семантического анализа: 1) отношения между актантами и 2) причастности актантов к месту события), мы сделали попытку рассмотреть систему падежей и определить место каждого отдельного падежа в этой системе в чулымско-тюркском языке.

Категория склонения

Категория склонения в чулымско-тюркском языке насчитывает семь падежей: основной, родительный, винительный, дательно-направительный, исходный, местный, орудно-совместный. Эти падежные формы были выделены и названы А.П.Дульзоном. (Дульзон, 1966, 450).

В связи с тем, что семантико-синтаксические функции падежных форм не были предметом исследования А.П.Дульзона, эти функции рассматриваются здесь нами исходя из соотношения поверхностной и глубинной структур предложения.

Парадигмы склонения имен существительных в единственном числе

1. Основы на гласные		
Осн.	тура 'город'	кäма 'лодка'
Вин.	туранı	кäмäни
Дат.-напр.	тура:	кäме:
Орудн.	турабыла/-бла/	кäмäбилä/блä
	туранаң (м)	кäманäң (м)
Исх.	турадын	кäмäдин
Род.	тураның	кäмäниң
Мест.	турада	кäмäдä
2. Основы на согласные		
Осн.	қол 'рука'	кöл 'озеро'
Вин.	қолны	кöлни
Дат.-напр.	қолга	кöлгä
Орудн.	қолбыла/бла/	кöлбилä/блä
	қолнаң (м)	кöлнäң (м)

Исх.	қолдың	көлдің
Род.	қолның	көлнің
Мест.	қолда	көлде
Осн.	ат 'лошадь'	өп 'дом'
Вин.	атты	өпті
Дат.-напр.	атқа	өпке
Оруди.	аттыла/ле	өппілә/лә
	атлаң (м)	өплең (м)
Исх.	аттын	өптін
Род.	аттың	өптің
Мест.	атта	өптә

Склонение имен существительных
во множественном числе

Осн.	палалар 'дети'	кәмәләр 'лодки'
Вин.	палаларны	кәмәләрні
Дат.-напр.	палаларга	кәмәләрге
Орудн.	палалардбыла/бла	кәмәләрбилә/блә
	палалардлаң (м)	кәмәләрлең (м)
Исх.	палалардын	кәмәләрдін
Род.	палаларның	кәмәләрнің
Мест.	палаларда	кәмәләрдә
Осн.	аттар 'кони'	пүктәр 'луга'
Вин.	аттарны	пүктәрні
Дат.-напр.	аттарга	пүктәргә
Орудн.	аттарбыла/бла	пүктәрбилә/блә
	аттарлаң (м)	пүктәрлең (м)
Исх.	аттардын	пүктәрдін
Род.	аттарның	пүктәрнің
Мест.	аттарда	пүктәрдә

Парадигмы склонения имен существительных
с аффиксами принадлежности

1 лицо ед.ч.

Осн.	пала:м 'мой сын'	а:дым 'мое имя' (ат 'имя')
Вин.	пала:мны	а:дымны
Дат.-напр.	пала:ма:/га	а:дыма:
Оруд.	пала:мбыла/бла/наң (м)	а:дымбыла/-бла/-наң (м)
Исх.	пала:мдын	а:дымдын
Род.	пала:мның	а:дымның
Мест.	пала:мда	а:дымда

2 лицо ед.ч.

Осн.	пала:ң 'твой сын'	а:дың 'твое имя'
Вин.	пала:ңны	а:дыңны
Дат.-напр.	пала:ңа:	а:дыңа:
Орудн.	пала:ңбыла/бла/наң(м)	а:дыңбыла/бла/наң (м)
Исх.	пала:ңдын	а:дыңдын
Род.	пала:ңның	а:дыңның
Мест.	пала:ңда	а:дыңда

3 лицо ед.ч.

Осн.	пала́:зы 'его сын'	а:ды 'его имя'
Вин.	пала́:зын	а:дын
Дат.-напр.	пала́:зына:/га	а:дына:/га
Орудн.	пала́:зыбла/наң (м) блаң (м)	а:дыбла/наң (м)/блаң (м)
Исх.	пала́:зындын	а:дындын
Род.	пала́:зының	а:дының
Мест.	пала́:зында	а:дында

I лицо множ.ч.

Осн.	пала:быс 'наш сын'
Вин.	пала:бысты
Дат.-напр.	пала:быска
Орудн.	пала:быспила/ла/лаң (м)
Исх.	пала:быстын
Род.	пала:быстың
Мест.	пала:быста

2 лицо множ.ч.

Осн.	пала:ңнар 'ваш сын'
Вин.	пала:ңнарны
Дат.-напр.	пала:ңнарга
Орудн.	пала:ңнарбыла/наң (м)
Исх.	пала:ңнардын
Род.	пала:ңнарның
Мест.	пала:ңнарда

3 лицо множ.ч.

Осн.	пала̇:зы 'их сын'
Вин.	пала̇:зын
Дат.-напр.	пала̇:зынга
Орудн.	пала̇:зыбыла/блаң (м)
Исх.	пала̇:зындын
Род.	пала̇:зының
Местн.	пала̇:зында

В форме существительного во множественном числе сохраняются те же аффиксы категориальной формы принадлежности I, 2, 3 лица множественного числа.

Основной падеж

Имя в основном падеже в чулымско-тюркском языке так же, как и в других тюркских языках не маркировано формантом. Не имея формального показателя, совпадая с основой, основной падеж просто называет предмет, не выражая каких-либо отношений. Будучи не маркированным в отношении направленности действия и характера связи между элементами, он может в силу этого обозначить любую семантическую и синтаксическую функцию. Теоретически он может обозначить семантический субъект, объект, адресат. Вот почему в поверхностной структуре предложения он практически встречается во всех синтаксических позициях.

В различных тюркских языках отмечают разнообразные синтаксические функции основного падежа. Отмечают следующие синтаксические функции основного падежа: подлежащего, дополнения (прямого и даже косвенного), определения, части сказуемого и обстоятельства (Дмитриев, I948, 62; Кононов, I960, 9I; Баскаков, I972, 83; Иванов, I975, I7; Тенишев I976а, 59; I976б, I08).

В чулымско-тюркском языке имя в основном падеже выступает в функциях а) подлежащего, б) прямого дополнения, в) определения, г) части сказуемого. Например:

а) йоқала теңри йа:р парган 'все небо посветлело'(нч); йақшы орлан сықтый йоқ 'хороший ребенок не плачет'(нч); пала̇чәк о:л чаштып парған нобой алтында 'маленький мальчик спрятался под лодкой'(т); әп чанда о:дуң чатқан 'около дома дрова лежали'(т); адай қатағлан әпти 'собака сторожила дом', чал апарсхан ме:ң пөрүгемни 'ветер унес шапку'(т);

чол көлге бара:ды (м) 'дорога к озеру идет'(м).

б) пистиң күскүдә тудаҕилар па:лық 'у нас осенью ловят (рыба) рыбу' (нч); иңәртә пис тутқа:выс па:лық 'вечером мы ловили рыбу' (нч); адәйлар қастыр чәр; олар теләптер сөк 'собаки роют землю; они ищут кости'(т); мән орнашпуқум па:лық әтке 'я не сменяю рыбу на мясо'(т); пай кижиләр орнашқаннар түлгү тәмке: 'богачи меняли лис на табак'(м).

в) әп е:жиги әргиппаган, е:ны чәми гәрәк 'дверь дома стала старой, её починить надо'(т); қо:лунда тигәнҥү пуда:ғы 'в руке (его) ветка ёлки'(т); ағач чылтыан өспарган,чәйлип парган (т) 'корни дерева разрослись, по сторонам выросли'; пистиң адәй қозан бало:зын тут ваган 'наша собака зайчонка (зайчьего ребенка) поймала'(м).

г) түн полған 'ночь была'(нч); и:р паган вечер был (м); пистиң пәлачәқы:л тура бо:ппаган 'наше маленькая деревня городом стала'(т); сыбачақ пер чыл па:жында чылғы по:ппарлық 'жеребёнок через год лошадью станет'(т); ыл а:лында от көп 'перед деревней много цветов'(т).

Это разнообразие синтаксических функций предопределяется тем обстоятельством, что кроме категории падежа, служащей для выражения семантико-синтаксических функций, в структуре чулымско-тюркского языка имеются и другие средства для выражения этих же отношений. Например, изафетная конструкция, в частности, изафет П, состоящая из имени существительного в форме основного падежа и другого существительного в форме категории принадлежности. Конструкция эта представляет собой "такую определительную группу, в которой определяемое, являясь всегда субстантивом, определяется с точки зрения или принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему" (Гаджиева, 1973, 107), т.е. передаются отношения, близкие к отноше-

ниям, выражающимся формой родительного падежа. Имеются также позиционные средства, закрепляющие, например, место синтаксического объекта (прямого дополнения, выраженного именем существительным в форме основного падежа); в этом случае винительный падеж оказывается избыточным.

Поскольку основной падеж служит для передачи семантического субъекта и объекта, то, естественно, в языке должны быть определенные способы их дифференциации. В чулымско-тюркском языке имя предмета в основном падеже употребляется для обозначения субъекта, когда он является агентом (одушевленным производителем действия). Функция же синтаксического объекта (прямого дополнения), как отмечалось выше, выражается:

I) Позиционно (характерной чертой тюркского синтаксиса является препозиция прямого дополнения), например, суға кижи па:ртыр 'за водой человек идет'. Хотя следует отметить, что в чулымско-тюркском языке эта тюркская особенность постоянно нарушается. В то же время, если информанту предлагается выбрать один из двух вариантов с препозицией прямого объекта или с постпозицией, он даёт первый вариант, т.е. хотя тенденция тюркского синтаксиса и расшатывается, однако, она ощущается носителями языка и может служить средством передачи семантико-синтаксических отношений в языке. Поэтому в предложениях типа адәй мыҥық көːрӱбел 'собака кошка видит' (при именах в основном падеже, передающих одушевленный субъект и объект) синтаксическая позиция является средством разграничения семантического субъекта и объекта.

2) Семантически, когда имя в основном падеже передаёт неодушевлённый предмет, относящийся к разряду предметов, которые не являются производителем действия, например: ке:р кижи кәмә е:ттир 'старик лодка делает'.

В функции прямого дополнения и определения форма основного падежа вступает в определенные отношения с другими элементами падежной системы, а именно с формами винительного и родительного падежей соответственно (об этом см. в анализе винительного и родительного падежей).

Родительный падеж

I.I. Формант родительного падежа представлен в чулымско-тюркском алломорфами -нын/-ниң , -тын/-тиң , -нун/-нүң , туң/түң.

Алломорфы -нын/-ниң встречаются после основ, оканчивающихся на гласный или сонорные согласные, например: түлгүнүң 'лисы', паланың 'сына', карның 'снега'.

Алломорфы -тың/-тиң встречаются после основ, оканчивающихся на глухой согласный, например: қастың 'гуся', ми:стиң 'лица'.

Дистрибуция алломорфов -нуң/-нүң ограничена употреблением их после основ, оканчивающихся на гласную или согласную с губным гласным в корне, например: тоннуң 'шубы', түлгүнүң 'лисы'.

Дистрибуция алломорфов -тун/-түң характеризуется употреблением их после основ, оканчивающихся на глухой согласный с губным гласным в корне: куштуң 'птицы', түктүң 'шерсти .

Аналогичными алломорфами представлена морфема родительного падежа в качинском диалекте хакасского языка (Патачакова, 1966, I58) и тофаларском языке (Рассадин, 34).

I.2. В тюркологической литературе указывалось на особое положение родительного падежа в системе склонения. Это объяснялось тем, что "образующий его аффикс функционирует не сам по себе, а как один из элементов двустороннего выражения связи имен. Именно поэтому нередко допускается присоединение к аффиксу родительного падежа аффиксов местного, дательного, исходного и сравнительно-ограничительного падежей (Щербак, 1962, II2-II8). С.Н.Иванов считает, что "этот падеж находится в определенном закономерном соотношении с другими падежами, например, основным падежом" в связи с чем необходимо включать форму родительного падежа в систему падежей тюркского имени (Иванов, 1969, 69).

Если исходить из семантического аспекта анализа, имя в форме родительного падежа, действительно, занимает особое положение в системе тюркского склонения. В отличие от основного, винительного, дательного, орудного и падежей, которые являются формами выражения отношений между участниками ситуации, имя в форме родительного падежа не передает отношений между актантами, не обозначает денотата - участника ситуации, события, а является атрибутом к одному из "предикатных предметов" (термин Т.П.Ломтева, см. Ломтев, 301), т.е. у него нет семантического аналога. Однако его нельзя исключать из системы склонения, поскольку имя в форме родительного падежа не обозначая непосредственного актанта, характеризует агент или объект ситуации, поэтому в поверхностной структуре выполняет функцию определения.

Помимо формы родительного падежа, выступающего в синтексической позиции определения, в этой же позиции в тюркских языках выступает и форма основного падежа, т.е. в тюркских язы-

ках имеются синтаксические конструкции изафета I, II и III, например: те:мир чол 'железная дорога', қозан изе 'заячий след', козанның изе 'след зайца' (принципы выделения различных типов изафетных конструкций см. Дмитриев, 1948, 224; Кононов, 1956, 408; всестороннее исследование изафетных конструкций в тюркских языках см. Гадхиева, 1970, 1973).

Дифференциация значений имени в форме основного и родительного падежей в изафетах II и III, согласно сложившемуся мнению в тюркологии, проводится на основе противопоставления значений неопределенности/определенности (Дмитриев, 1948, 218; Киекбаев, 112) или противопоставления значений конкретно-предметных/отвлеченно-предметных (Иванов, 1969, 71). В литературе (Майзель, 59-73), однако, отмечается нерегулярность в противопоставлении значений определенности/неопределенности в данных конструкциях. То же можно констатировать и для употребления указанных форм в чулымско-тюркском языке. Рассмотрим несколько примеров из этого языка, в которых наблюдается как бы "нарушение" указанного принципа. Возьмем изафет II: 1) па:лық мӱнӱ сугоч паган 'уха жидкой была'(срч); 2) көп чыллар олар чуртаннар ӱс па:зында 'многие годы они жили в верховьях Чулыма'(м); 3) олар өзӱп паро:дылар ӱс па:зына 'они на веслах поплыли вверх Чулыма (м); 4) ӱс қыры ырақ 'берег Чулыма далеко' (срч); 5) қолхоста чылғы инәк ораны е:т саган 'в колхозе стайку для лошадей, коров построили' (срч); 6) әп е:хиги әргип паган 'дверь дома старой стала'(срч); 7) агац ва:хы шоглапйа 'вершины деревьев шумят'(нч); агац қа:ғы саргей варган 'листва деревьев пожелтела' (нч). Во всех предложениях имена в форме основного падежа передают значение определенности, а не ожидаемое согласно установившемуся мнению значение неопределенности.

Если бы в тюркских языках, действительно, дифференциация изафета II и изафета III осуществлялась на основе оппозиции неопределенности/определенности, то при передаче значений определенности следовало бы ожидать форму изафета III. Однако, как видно из примеров, это не соответствует языковой реальности: при передаче значения определенности употреблена форма изафета II вместо ожидаемой формы изафета III.

Всё это даёт основание предположить, что противопоставление имен в форме основного и родительного падежей базируется не на противопоставлении значений определенности/неопределенности.

Поскольку для передачи атрибутивных отношений в чулымско-тюркском употребляется имя в основном и родительном падежах, то функцией родительного падежа, по всей вероятности, является не только функция атрибута (определения). Дополнительным свидетельством в пользу данного предположения является наличие двух форм в изафете III (формы родительного падежа и аффикса принадлежности), выражающих значение притяжательности. Это дает повод полагать, что формы эти дифференцированы каким-то образом, в противном случае одна из них должна быть избыточной.

Представляется, что функцией родительного падежа является не только обозначение признака предикативного предмета, но и отношение определителя (элемента, определяющего предикативный предмет) к некоторому классу, т.е. мы полагаем, что кроме атрибутивной функции он выполняет классифицирующую функцию. Классификация определителей, на наш взгляд, осуществляется на основе универсальной оппозиции включенности/невключенности.

Для определения признака, по которому осуществляется классификация предметов, имена которых выступают в качестве определителей предикативных предметов, рассмотрим два ряда примеров:

I) инäк сӱдӱ 'коровье молоко', қой тӱгӱ 'овечья шерсть', пала ата:зы 'отец ребенка', тӱлгӱ пӧ:рӱгӱ 'лисья шапка';

2) инäктиң сӱдӱ 'молоко коровы', қойның тӱгӱ 'шерсть овцы', паланың ата:зы 'отец ребенка'. И в первой и во второй группе примеров выражено отношение принадлежности, однако, изафет II и изафет III, которые используются для выражения этого, являются способами выражения различных типов отношений принадлежности, а именно для выражения различий между отношениями обладания и другими видами отношений принадлежности (части целого, источника, отношения принадлежности по признаку родственных отношений, и т.д.).

Так, в первом случае определитель семантического актанта обозначает предмет, не являющийся субъектом обладания (поссессором) определяемого предмета (шерсть овцы, т.е. овечья шерсть; молоко коровы, т.е. коровье молоко - здесь имеет место отношение предмета и источника; отец ребенка - в данном случае выражено отношение принадлежности по родственному признаку).

Во втором случае определитель семантического актанта обозначает предмет, являющийся субъектом обладания (поссессором определяемого предмета).

Семантическое различие определителей в этих двух группах примеров выражается вхождением их в различные ряды парадигм притяжательного склонения:

I. инäк сӱдӱм '(мое) коровье молоко'	2) ине:гем сӱдӱ '(моей) коровы молоко'
инäк сӱдӱң '(твое) коровье молоко'	ине:гең сӱдӱ '(твоей) коровы молоко'
инäк сӱдӱ '(его) коровье молоко'	ине:ге сӱдӱ '(его) коровье молоко'

В первом случае (в первом типе парадигмы) имеется в виду (коровье) молоко, а определитель семантического актанта (молоко) является инäк 'корова', не являющаяся субъектом владения (молока), т.е. существительное корова выступает здесь в качестве признака, определяющего молоко по одному из типов отношений как источник предмета. Формальный показатель принадлежности присоединяется к имени, обозначающему объект владения, а не к имени - определителю объекта владения, т.е. здесь отсутствует отношение обладания.

Во втором случае (во втором типе парадигмы) формальные средства передают другие семантические отношения элементов словосочетания, а именно здесь имеется в виду молоко коровы, принадлежащей мне (тебе, ему), т.е. в данном случае речь идет уже не о молоке, а о корове. Формальный показатель принадлежности (аффикс притяжательности) присоединяется к имени - определителю актанта (инäк 'корова'), таким образом, формальные средства здесь служат выражению субъекта владения (я) и поссессора (инäк 'корова') определяемого предмета (сӱт 'молоко').

То, что во втором ряду примеров отражены именно отношения обладания доказывается дистрибуцией этих форм. В чулымско-тюркском языке формы ине:гем суду 'моей коровы молоко' и ине:геминң сӱдӱ 'моей коровы молоко' находятся в свободном чередовании, и представляют собой варианты одной морфологической еди-

ницы, т.е. в форме ине:гемниң сӱдӱ (изафет Ш) поссессор и определитель семантического актанта совпадают. Именно этим форма родительного падежа в изафете Ш отличается от формы основного падежа в изафете П, в котором имя в основном падеже обозначает только определителя семантического актанта. Таким образом, объект (предмет), обозначенный именем в форме родительного падежа, классифицируется по признаку включенности в сферу посессивности предмета. Противопоставление родительного падежа и основного падежа является формой выражения частной семантической оппозиции вхождения/невхождения в сферу посессивности субъекта, которая входит в более обобщенную оппозицию, классифицирующие объекты по вхождению/невхождению в сферу существования.

Отмечаемое в тюркологической литературе различие семантики форм основного и родительного падежей по признаку неопределенности/определенности не является равноправной в ряду выделенных выше оппозиций, а входит как часть в указанные противопоставления. Действительно, поскольку имя в форме основного падежа обозначает предмет, не входящий в сферу поссессивности предмета, то и предмет этот может восприниматься как неопределенный. Наоборот, имя в форме родительного падежа обозначает предмет, входящий в сферу посессивности предмета (лица),отсюда вытекает сопутствующий ему признак определенности. Но эти сопутствующие признаки (в первом случае определенности, во втором - неопределенности) не носят обязательного характера. Все случаи "отклонения" в употреблении основного и родительного падежей с позиции определенности/неопределенности могут быть объяснены исходя из оппозиции включенности/невключенности в сферу посессивности предмета (лица).

Таким образом, дифференциация значений основного и родительного падежей определяется характером отношений между определителем семантического актанта и самим семантическим актантом. При совмещении в определителе признака предмета и значения поссессора в поверхностной структуре выступает родительный падеж. При отсутствии такого совпадения, т.е. отсутствии значения обладания выступает основной падеж как выразитель других типов отношений притяжательности (по признакам материала, части и целого и т.д.).

Винительный падеж

I.I. Имя в винительном падеже характеризуется следующими алломорфами: I) -ны/-ни, после основ на гласные и сонорные согласные: паланы 'сына', куланны 'жеребенка', 2) -ну/-нӱ после сонорных согласных и гласных с лабильным гласным в корне: пурунну 'носа', тӱлгӱнӱ 'лису', 3) -ты/ти после глухих согласных: паиты 'голову', пӓнти 'печь', 4)-ту/-ти - после глухих согласных с лабиальным гласным корня: кусту 'птицу'(м), пӱктӱ 'луг'. Из других тюркских языков Сибирского ареала аналогичные алломорфы аффикса винительного падежа имеются в качинском диалекте хакасского языка (Патачакова, I966, I59) и в тофаларском языке (Рассадин, I978, 84).

В поверхностной структуре винительный падеж служит средством для передачи отношения прямого дополнения. Эта же функция отмечалась выше и у основного падежа.

Полифункциональность падежа и изофункциональность отдельных значений разных падежей - характерная особенность системы склонения языков различных типов (Кацнельсон, I972, 43).

Изофункциональность основного и винительного падежей в

тюркских языках отмечена еще исследователями XIX века (Казембек, 382-383), указывавших на их общую функцию - функцию прямого объекта. Начиная с этого времени в тюркологической литературе установилось мнение, согласно которому дифференциация значений основного и винительного падежей прямого объекта осуществляется по признаку неопределенности/ определенности,то есть для указанных форм констатируется артиклевая функция индоевропейских языков. Отмечается, однако, как применительно к современным языкам (Насилов, 43; Убрятова, 1950, 122; Покровская, 116), так и к древним памятникам (Radloff, 1897, 102; Курышанов, 47) нарушение в выражении данного принципа.

Чулымско-тюркский язык не представляет собой исключения в этом отношении. Так, в предложениях, содержащих неопределенный прямой объект, вместо ожидаемого основного падежа, употреблена форма винительного падежа: 1) кӓскел чылыр тутунну 'надень теплую одежду' (орч.); 2) пис кӧрге:бес ча:ӈ ы:лны 'мы видели новую деревню' (орч.); 3) ман чабал а:лычты пилибилмӓн 'я знаю плохих (диких) зверей' (орч.); 4) мӓн кӧ:рӱблӱм инӓкти, кемниӈ ол ине:ге, ол кижиниӈ ине:ге, суруспар инӓкти 'я вижу корову, чья это корова, это чужая (людей) корова, прогони корову'(орч.).

В артиклевых языках (германского типа) в подобных случаях предполагается неопределенный артикль, например: 1) англ. Put a warm coat; нем. Ziehe eine warme Jacke an. 2) англ. We saw a new settelment; нем. Wir haben ein neues Dorf gesehen; 3) англ. I know a wild animal; нем. Ich kenne ein wildes Tier; 4) англ. I see a cow; нем. Ich sehe eine Kuh.

Анализ нарушений в противопоставлении значений основного и винительного падежей прямого объекта как значений неопределенности/определенности, возведенных некоторыми исследователями тюркских языков в ранг категории неопределенности/определенности (Киекбаев, 79-144).

Система падежей, например, в индоевропейских языках служит для выражения отношений между денотатами. Винительный падеж передает отношение направленности действия на предмет. Именительный падеж называет предмет или лицо, от которого исходит действие. В русском языке указанные падежи четко противопоставляются формально или позиционно (в случае, например, мать любит дочь), т.е. основное назначение винительного падежа - служить для выделения прямого объекта.

В чулымско-тюркском же языке для выражения объекта используются и основной падеж и винительный падеж. Это говорит о том, что функция прямого объекта не является главной для винительного падежа, хотя и присуща ему. Приведем примеры для иллюстрации употребления винительного падежа в функции прямого объекта:

а) мӧ:рӱ апарган кӧйну 'волк унес овцу' (нч); апарвал мылтыхты ӱгӓ 'не вноси ружье в дом' (нч); о:ғлар апцыкелгеннӓр а:вурға улуғ цоцвақты 'ребята с криком вытащили большую щуку' (нч.); адай катағла:н ӓпти 'собака караулила дом' (орч.); чылға: о:луртуп ӓпке ӓке:птир лизаветаны 'на лошадь посадив домой везет Елизавету' (орч.); мӓн ӱчтӱрган кучақтарны корге:м 'я видел летящих птиц' (т),

б) ур чурта:н е:бемны оғланны:рыма пе:р салғам 'долго прожитый дом (свой) отдала детям' (орч.); мӓн кӧрге:м учитель'ницаны огланны:рымны ӱретқӓн 'я видела учительницу, детей (моих) обучавшую' (орч.); олға чыртып салған куне:ген 'Ольга порвала (свое) платье'(орч.); ол ме:ӈ туған кӱнӱмнӱ пайрамна:и 'Он мой день рождения праздновал' (орч.); ол айтхан ме:ӈ а:дымны сыйарга 'он попросил написать мое имя' (м); ӓ:нӓк мӱкцей-

түйе па:жыны ‘старуха качает (своей) головой’ (нч.).

в) әккәл те тӱ:стӱ мӧттӱг ‘принеси тот туяс с медом’ (нч); па:лықлытқан кижи әке:цалған те кижини қайықта ‘рыбак перевез этого человека на лодке’ (нч.); пәр ма: ол қағасты ‘дай мне ту бумагу’ (срч.); қачан мән пәләчәк полғонда мән санам ол книга ‘когда я был маленький, я читал эту книгу’ (срч.); ағам пелгән ол орунну ‘отец знал то место’ (срч.); пу когайны ике рас қайнатқам (срч.).

Во всех выше данных примерах винительный падеж выделяет объект, причем в предложениях под пунктами б) и в) он употреблен с формой притяжательности и указательным местоимением соответственно, а в предложениях под пунктом а) - определенной закономерности пока не отмечается. Здесь и упоминание неизвестного объекта и объекта, о котором можно предположить, что он известен.

Анализ условий употребления винительного падежа позволяет дать иное объяснение содержательных функций, выполняемых винительным падежом. По-видимому, функцией винительного падежа является не просто обозначение объекта, характеризующегося признаком определенность, а отнесение называемого предмета к определенному классу реалий, т.е. классифицирующая функция. Следовательно, в форме винительного падежа совмещены две функции (о синкретизме падежных форм см. Кацнельсон, 1972, 43): с одной стороны она служит для выражения семантической функции (объекта), с другой стороны - для выражения понятийной категории, выступающей в функции классификатора.

В основе классифицирующей деятельности человека, находящей определенные способы выражения в языке, лежат те понятийные категории, которые являются релевантными для плана содержания данного языка. Как будет показано ниже (при анализе ка-

тегории принадлежности), семантической доминантой тюркского имени является категория принадлежности. Именно основываясь на этой категории, по-видимому, происходит классификация объектов на основе универсальных оппозиций отчуждаемые/неотчуждаемые, свой/чужой, включенный/невключенный. Имя, обозначаемое неотчуждаемый предмет, всегда стоит в форме категории принадлежности, имя, передающее отчуждаемый предмет, может быть употреблено,а может и не быть в форме категории принадлежности. Здесь вступает в силу оппозиция свой/чужой; формальным выражением различий семантических значений этой оппозиции является обязательный детерминант (притяжательные местоимения) в подклассе имен, характеризующихся признаком "свой", например: мән са:тыр мән әп ‘я продаю дом’- мән ос е:бем са:тыр мән ‘я продаю свой дом’; мән көрӱблӱм әп ‘я вижу дом’ - мән көрӱблӱм ӧс е:бем ‘я вижу свой дом’; мән көрӱблӱм адай ‘я вижу собаку’- мән көрӱблӱм ӧс ады:йемны ‘я вижу свою собаку’.

Примечательно, что в предложениях с притяжательными местоимениями существительное, выражающее объект, на которое направлено действие, может стоять в основном падеже категории принадлежности, вместо ожидаемого винительного падежа. Нами зафиксированы многочисленные примеры подобного характера: мән қарынды:жым аппарры қ мән тура ‘я возьму (моего) брата в город’; мән кара:ғым парғаптыр мән,нӧмәлә ке:ң паған ‘я глаз (мой) завязываю, что-то попало’; то:нуң асқыл по:зуға ‘шубу (твою) повесь на гвоздь’; алғыл ме:ң қағы:зым ‘возьми мое письмо (бумагу)’; кәс сән пӧ:рӱгуң ‘одень ты шапку(твою)’. Аналогичное явление отмечается в разговорном казахском языке (Курышжанов, 46-47).

Дистрибутивный анализ явления встречающегося, как ни стран-

но, часто в чулымско-тюркском языке, показал, что формы основного падежа и винительного падежа в категории принадлежности находятся в свободном чередовании (встречаются в одной и той же позиции, выражая одинаковое значение - функцию прямого объекта), т.е. репрезентируют варианты одной морфологической единицы: мән ос е:бем (осн.п.) са:тыр мән 'я продаю свой дом' - мән ӧс е:бемни (вин.п.) са:тыр мән 'я свой дом продаю'; алғыл ӧс пӧ:рӱгуң (осн.п.) 'возьми свою шапку'- алғыл ӧс пӧ:рӱгӱңнӱ (вин.п.) 'возьми свою шапку'; мән көрублӱм се:ң кәнджиң (осн.п.) 'я вижу твоего ребенка'- ман ко:рублум се:н канджиңни (вин.п.) 'я вижу твоего ребенка'.

Кроме того, в свободном чередовании с упомянутыми формами находится и форма винительного падежа (в простой, не в притяжательной форме), например: I) сән кәс пӧ:рӱгуң (осн.п. притяж.ф.) - сән кәс ос пӧ:ругуңӱ (вин.п. притяж.ф.) - сән кәс ӧс по:рукту (вин.п.непритяж.ф.) 'ты одень свою шапку' (перевод для всех данных предложений);

2) пӓр ана пистиң часту:ғубус (осн.п., притяж.ф.) - пар ана пистиң часту:ғубусту (вин.п.притяж.ф.) - пӓр ана пистиң частуқту (вин.п., непритяж.ф.) 'дай ему нашу подушку'.

То, что данные формы могут представлять собой варианты одной единицы, согласуется с предположениями о происхождении форманта винительного падежа от аффикса притяжательности (Богородицкий, I03), то есть с ретроспективной точки зрения в формах пӧ:рӱгӱңнӱ (вин.п., притяж.ф.) 'твою шапку' и часту:ғубусту (вин.п. притяж.ф.) 'наши подушки', мы имеем плеонастическое выражение категории принадлежности, т.е. классифицирующая функция, присущая форме винительного падежа, опирается на принцип семантической категории принадлежности. Однако, следует подчеркнуть,

что принадлежность здесь понимается не в узком смысле, а в обобщенном значении понятийной категории включенности (предполагающей наличие признака включенность в сферу деятельности человека, в сферу его жизни и окружения), представленной в языках универсальной оппозицией близкий/далекий (Цивьян,242).

Справедливо отмечаемое же значение определенности у винительного падежа (Кононов, I960, 94-95; Дмитриев, I962, I54-I55; Иванов, I975, 25; Гаджиева, I976, 9; Тенишев, I976, II0; Щербак, I977, 63-64 и во многих других работах по конкретным тюркским языкам), по всей вероятности, представляет собой признак оппозиции определенность/неопределенность, но не в артиклевом значении знания/незнания, а просматриваемом опять-таки через призму категории принадлежности.

В языках с развитой системой выражения категории определенности/неопределенности согласно нормативным грамматикам для выражения предмета впервые упомянутом, употребляется неопределенный артикль, при вторичном упоминании, или упоминании известного предмета - определенный артикль. В тюркологической литературе находим аналогичную параллель: при разграничении значений неопределенности/определенности прямого объекта, как указывалось выше, используется основной и винительный падежи соответственно.

Анализ материала чулымско-тюркского языка показывает,что при первичном упоминании предмета, существительное его обозначающее, стоит в основном падеже, при вторичном же упоминании, существительное, употребленное в качестве объекта, употребляется не только в винительном, но и в основном падеже: Например: I) ме:ң улуғ оғлум кӓмӓ (осн.п.) кӓсӓргӓ кӱч, ол кӓшӓ паштаң:н, пӱн ӓртер салған кӓме:зен (вин.п.) 'мой старший сын лодку мастер делать, вчера начал, сегодня закончил лодку(свою)';

2) ы:лча ке:р очқа (осн.п.) кӓле:ди, мӓн көрӱблӱм ке:р очқа (осн.п.) 'по деревне идет старик, я вижу старика'.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что разграничение значений основного и винительного падежей идет не в плане противопоставления признаков определенность/неопределенность в артиклевой функции знания/незнания, а в противопоставлении определенность/неопределенность, входящей в более широкую понятийную категорию близкий/далекий, представленную более частными противопоставлениями:

а) свой/чужой. Формальное выражение признака "свой" - обязательный детерминант (притяжательное местоимение) плюс формант винительного падежа (простая форма). Например: пистиң қойну;

б) включенность/невключенность. Формальное выражение признака "включенности": 1) указательное местоимение + форма винительного падежа или 2) обязательность аффикса винительного падежа.

Оппозиция определенность/неопределенность (выражаемая в языке формами основного и винительного падежей) функционирует не как равноправная в этом ряду противопоставлений, а входит как часть в указанные оппозиции. Именно с этих позиций объясняются все случаи "отклонений" в употреблении винительного падежа в пункте а) на стр. 28

Таким образом, на семантическом уровне форма винительного падежа в чулымско-тюркском языке обозначает участника ситуации (объекта). Но поскольку в данном языке для выражения объекта в поверхностной структуре существует еще одна форма (основной падеж) и, кроме того, другие средства позиционные и семантические (имя в основном падеже, передающее неодушевленный предмет см.с. 18), то функция выражения прямого дополнения не является основной для винительного падежа. Основной же функцией анализируемого падежа является классифицирующая функция, базирующаяся не универсальной понятийной категории близкий/далекий. Эту категорию не следует понимать конкретно, это абстрактная семантическая категория, выражающая причастность/непричастность объекта/предмета к сфере деятельности человека.

Дательно-направительный падеж

I.I. К выделенным А.П.Дульзоном алломорфам -га/-гӓ, -ка/-кӓ морфемы дательного падежа (Дульзон, 1966, 450) необходимо добавить и алломорф -а:/-е:, отмеченный нами как в нижнечулымском, так и в среднечулымском диалектах.

Алломорф -га/-гӓ встречается после основ, оканчивающихся на сонорные согласные, например: о:лға 'мальчику', о:лларға 'мальчикам', и:рге 'к вечеру'.

Алломорф -ка/-кӓ встречается после основ, оканчивающихся на глухие согласные: а:чқа 'на дерево', атқа 'лошади', пудаққа 'на ветку'.

Иногда алломорфы -га/-гӓ, -ка/-кӓ произносятся с долгим гласным: пио апқық келга:вис қа:йухту қърга: (нч.); кир пари ӱгӓ: 'войди в дом' (нч.); ол барӓ:ди ӓпкӓ: 'он вошел в дом'(нч.); кижи пар салган скожқа: (нч.); кижилӓр па:ръсқан собране 'народ ушел на собрание' (срч.).

Данную особенность отметил и Н.Ф.Катанов для сагайского и бельтирского наречий (Катанов, 1896, 102). По наблюдениям Д.Ф. Патачаковой, это характерно и для современных диалектов: сагайского и кызыльского, что объясняется по предположению Д.Ф. Патачаковой тенденцией по аналогии с пала: 'ребенку', кизе: 'человеку' (Патачакова, 1966, 158).

Алломорф - а:/-е: встречается после основ, оканчивающихся

на гласные, например: тура: 'в город', кӓме: 'в лодку', тайга: 'в тайгу', чылға: 'к лошади', книге: 'к книге', арага: 'за водкой', киже: 'человеку'.

Таким образом, из других языков Сибирского ареала аналогичные алломорфы дательного падежа в системе простого (безличного) склонения имеются в хакасском (Патачакова, 1966, 158), шорском (Дыренкова, 1941, 43), кумандинском диалекте алтайского языка (Баскаков, 1972, 82).

В системе притяжательного (личного) склонения сохраняются те же алломорфы, но после основ, оканчивающихся на сонорные согласные и гласные, могут употребляться: а) как алломорфы -ка/-кӓ, -га/-гӓ, так и б) а:/-е:, хотя следует отметить, что чаще употребляется алломорф -а:/-е: (факультативно встречается без долготы). Примеры:

а) кедзӓ: мӓн йора:ним в гости ме:ң о:дзумға 'вчера я ездил в гости к моему дяде' (нч.); мӓн йе:ткелгӓм а:йың кыта:ғыға 'я подошел к берлоге медведя' (нч.); ол ане:зинге оғлунға кӓлген 'он к теще за сыном пришел' (срч.); шербей моғалактың қабаргазынға ке:р парған 'пуля вышла медведю в ребро' (т); ти:ң коргуп парган, арачқа ты:п парган, пуйған арызынға чӓлитып парған 'белка на дерево залезла, среди елей спряталась'; ол крынбылы öс кызынға 'она любит свою дочь' (срч.);

б) мӓн ичӓме: арама: қорғуптыр мӓн 'я боюсь отца с матерью' (т); мӓн öс қарандӓ:кыма: қынбдым 'я люблю своего брата' (т); а:ң қара:ғы ағрыптыр чыдың кумғара:ғына: 'у него глаза болят от яркого солнца' (т); пала:зы айтхан тато:зына тайға аппарыйға 'сын попросил отца взять (его) в тайгу' (м); ол сур по:пзаган па:хындын аза:ғына 'он весь в воде стал с головы до ног' (т); мӓн тоста:м ука:зына 'я наелся ухи'; адайе тыңнып паган

кичӓзина 'собака схватила младшую' (м); мӓн мӱкцей салгаң стӓнӓ 'я прислонился к стене' (нч.); а:гӓзы а:ның эдае:зи а:ның па:рвӓрнӓр турра: 'и отец и мать отправились в город' (нч.).

Данная форма охватывает чулымско-тюркский, шорский, хакасский и тофаларский языки.

Из диалектов сибирских татар то же отмечается в притяжательном склонении I и 2 лица в барабинском и тоболо-иртышском диалекте (Тумашева, 120, 218).

Следовательно, полное совпадение формы дательного падежа имеется в чулымско-тюркском, хакасском, шорском, тофаларском, а в I- и 2 лице притяжательного склонения аналогичные формы в тоболо-иртышском и барабинском диалектах.

I.2. В поверхностной структуре предложения имя в форме дательного падежа выступает в чулымско-тюркском языке в функции косвенного дополнения, выражая следующие контекстуальные значения: I) адресат действия; 2) пункт, к которому направлено действие (движение). Примеры на первое значение. Здесь можно выделить несколько подтипов, которые зависят от семантики глагола. Адресат действия предполагается а) с глаголами давания: мӓн оғланыма: чақшы пӱ: пеге:м 'я сыну хорошую сеть дал' (срч); қолхос писке көп пудай чылзай пе:ртер 'колхоз нам много пшеницы каждый год даёт' (срч); пер малға: пидзен 'дай скоту сено' (нч); кушқа пер қарбақ қарақ пӓрген 'птице горсть зерна (он) дал' (срч).

б) с глаголами интеллектуального действия (типа надежда, желание) пис иженвот'ис кидзиғ палавысқа ол писти өлгөнзе а:зроқ 'мы надеемся на младшего сына, он нас до старости (до смерти) будет кормить' (нч).

в) с глаголами ментального действия (эмоционального состояния) и глаголами речи для обозначения лица, которому адресовано отношение (любви, благодарности и т.д.), либо высказывание (сказать, просить, благодарить).

Аналогичное использование дательного падежа с глаголами эмоционального состояния и глаголами речи наблюдается в русском языке (см.Грамматика русского языка, 1952, 122). Для этих глаголов характерна двухчленная конструкция (субъект, адресат). Это объясняется тем, что для глаголов ментального действия объектом являются интеллектуальные объекты (речь, слово, чувство), которые включаются в семантику глагола и, как правило, не получают формального словесного выражения (о делении глаголов на физические и психические см. Арутюнова, 61), при этом объект, на который направлено действие, фактически выпадает. Особенно ярко это проявляется в тюркских языках, например, ол сурублу қарандо:ына 'он спрашивает брату' (т.е.направляет кому-то слово, свою речь).

арғызы е:рема айтып саған чақы чурти:ға 'друг (его) мужу (моему) пожелал (сказал) хорошо жить'(срч); сурублу улуғ қарынды:ына 'спрашивают старшего брата (старшему брату)'(срч); палы:ы айтхан тато:ына тайға аппарыйға 'сын (его) просил (сказал) отца (отцу) взять в тайгу'(срч); палы:ына айтхан қатағлықсын 'сыну (своему) сказал пусть сторожит'(срч).

орлан қыныбыл пу школға 'ребенок любит эту школу (к школе)'; мән ӧс карандá:ыма кыныдым 'я люблю своего брата (своему брату)' мән урнупағам кáлгён қаранда:ыма: 'я обрадовался пришедшему брату (своему)'(срч), спасибо па:лы:ғыңа: о:туңа: 'спасибо за рыбу (к рыбе), за дрова (к дровам)'.

г) с глаголами физического действия: ағы:ы орлуна: оқ чáчак а:т салған 'отец сыну стрелу с луком сделал'(т); чылға: инáке:

пичан ша:п салгабыс 'лошадям, коровам сено (мы) накосили'(т).

2. Примеры на обозначение пункта, к которому направлено действие, т.е. примеры, иллюстрирующие пространственное значение у дательного падежа:

о:цқа па:рывӧр тура: 'старик отправился в город'(нч); пис апцық келгáвис қа:йухту қырга: 'мы вытащили лодку на берег' (нч); ол па:рверди йа:элап тайга: 'он отправился промышлять в тайгу'(нч); кӱскӱдӓ ӧртáктӓр па:ртыр чылыг жӓрге 'осенью утки улетают в теплые земли'(срч); рыбақ кáмӓбелӓ тамнáнген ы:лға 'рыбак лодкой собрался в деревню'(срч); ме:ң ичáм ишке па:ребел то:ғуо часта 'моя мать на работу ходит в девять часов'(т); анайақ кáстинге сирӓ кӧрген 'старуха все время оглядывалась назад'(срч); пис чӧ:ребес тайга, тӧлӓ кӱлӓй торған áмде:бес 'мы ходили в тайгу, полный мешок шишек насобирали' (срч); ме:ң улуғ қаранда:ым тура: барӓ:ды 'мой старый брат в город едет'(т).

На синтаксическом уровне, таким образом, исходя из контекстуальных значений можно выделить дифференциальный признак направленности (к), а по характеру синтаксической связи форма дательного падежа выражает косвенную связь.

В глубинной структуре имя в форме дательного падежа соответствует предмету, участвующему в событии косвенно, в направлении к которому совершается событие, т.е. обозначает семантический адресат. Следовательно, при обозначении адресата его дифференциальным признаком на семантическом уровне является также направленность и косвенность.

Как видим, имя в форме дательного падежа передает непосредственного участника ситуации (актанта первого ранга).

Помимо этого, выше было выделено контекстуальное значение направления движения к какому-то пункту (локальное значе-

ние дательного падежа), т.е. на семантическом уровне, кроме обозначения актанта, причастного к совершению события, имя в форме дательного падежа передает актанта второго ранга участника ситуации, причастного к месту совершения события, а именно обозначает предмет, косвенно причастный к месту совершаемости события, в направлении к которому оно развивается, т.е. обозначает объект приближения (актант второго ранга). (Вот почему и в наименовании падежа "дательно-направительный" отражается двойное содержание формы дательного падежа, выражающего два ранга актантов: участников ситуации, причастных к совершению события, и участников ситуации, причастных к месту совершения события.

Соотнесенность значения адресата имени в форме дательно-направительного падежа с актантом первого ранга (с семантическим адресатом) дает нам основание считать это значение у формы дательно-направительного падежа основным; пространственное же значение, соотнесенное с актантом 2 ранга - производным.

Кроме указанных значений, имя в форме дательного падежа обозначает: а) время и б) стоимость, например:

а) ол и:ргä а:лга чиҥаган 'он к вечеру деревню достиг'(м) ол и:ргä тогашкан могалаҕка 'он к вечеру встретил медведя'(т); ишин калдыр салган тамнага 'работу оставил на завтра'(т) чи:т ыстар о:ллар ойнаптырлыр чайына и:ргäйä 'молодые парни, девушки играли все лето вечерами'(т).

б) мäн алгам иге кило па:лык, иге äбäчка 'я взял два килограмма рыбы за два рубля'(т); мäн төрт килограм па:лык аҕам иге äбäнкä 'я взял четыре килограмма рыбы на два рубля'(м).

Эти значения у формы дательного падежа появляются при заполнении позиции дательного падежа лексикой, лишенной пространственного содержания. Имя в форме дательного падежа в этих значениях не выражает участников ситуации, но вместе с тем они

сохраняют дифференциальный признак направленности, что позволяет данной грамматической форме удерживать их в рамках своего значения на уровне частных значений этого падежа. Например: в форме и:ргä 'к вечеру' обозначена направленность от одной точки отсчета к какой-то точке во времени. В случае иге äбäчкä 'за два рубля' или пис орнашкабыс тӱлгӱ тӓмке: 'мы поменяли лису на табак' имеется направленность отчуждаемого объекта владения к новому субъекту владения.

В тувинском языке встречается явление, не находящее объяснения (Исхаков, Пальмбах, 128): действие в настоящем времени требует имя для обозначения места совершения в форме местного падежа, а в прошедшем и будущем времени требует имя в форме дательного падежа, например: Мен Кызылда чуртап тур мен 'Я живу в Кызыле'; Мен Кызылга чуртап туган мен 'Я жил в Кызыле'; мен Кызылга чуртап тоар мен 'Я буду жить в Кызыле. Нам представляется, что прошедшее и будущее время имеют направленность, точкой отсчета которой на временной ~~на временной~~ оси является настоящее время, а поскольку направленность является дифференциальным признаком формы дательного падежа, то для обозначения отнесенности во времени в направлении прошедшего или будущего используется форма дательного падежа для выражения отношения причастности к месту совершения действия. Этим и объясняется возможность употребления имени в форме дательного падежа для обозначения направленности действия в будущему или прошедшему, что имеет место в тувинском языке.

Среди частных значений дательно-направительного падежа в чулымско-тюркском языке, таким образом, выделяются значения времени и стоимости.

Таким образом, форма дательного падежа является главным средством выражения функций семантического адресата, значение

которого, как указывалось, складывается из значения косвенной причастности к событию, направленной к предмету-участнику. Поэтому дательный падеж оформляет синтаксическую позицию косвенного дополнения, возможно, позицию прямого дополнения при глаголах ментального действия и глаголах речи (например, мән кыны:дым кызыма 'я люблю дочь'), позицию обстоятельства при глаголах самостоятельного и несамостоятельного движения, развивающегося во времени, обстоятельства образа действия (со значением стоимости) при глаголах брать, обменивать (предполагающие действие, направленное на достижение результата).

Орудный падеж

I.I. В нижнечулымском диалекте по данным А.П.Дульзона орудный падеж оформлен аффиксами -была, -бъла/-билä, -бäлä, -пыла, -пъла/-пилä, -пäлä, в среднечулымском - аффиксами ла/ле (Дульзон, 1966, 450). Дальнейшее исследование среднечулымского диалекта позволило нам уточнить формальное выражение данного падежа в говорах среднечулымского диалекта. В тутальском говоре среднечулымского диалекта по нашим наблюдениям употребляются следующие алломорфы: а) -была/билä (бла/блä) после основ, оканчивающихся на гласные и сонорные согласные (согласный аффикса после сонорных произносится полузвонко). Факультативно встречается чередование б ~ в начального согласного аффикса у одного и того же информанта.

б) -пыла/-пилä после основ, оканчивающихся на согласные; алломорфы же -ла/-лä появляются как факультативные варианты. Примеры: ӯқаңзабыла 'с трубкой', кузуруғубла 'хвостом', смолабла 'смолой', кучубыла 'силой', äпчисиблä 'с женой', кäмäбелä 'лодкой', тӯнӯбелä '(целым) вечером', кӯнӯбелä '(целым) днем'; кӯчӯмбилä 'с (моей) силой', қарбыла 'снегом'.

б) отпыла 'с травой', орақпыла 'тропинкой', шäлäкпелä 'ведром', чорғақ[пила 'одеялом', чумуртлы 'с черемухой', охотник[тарлы 'с охотниками', моғалақле 'с медведем', ӱслä 'рекой', қылычлы 'с саблей', чағла 'с маслом', адайла 'с собакой'.

В мелетском же говоре среднечулымского диалекта используется аффикс а) -наң/-нäң, после основ, оканчивающихся на гласный и согласные м, н, ң, й, факультативно встречается -быланң/-белäң; б) после р и других согласных употребляется алломорф -ланң/-лäң. Примеры: а) чылгынаң 'лошадью', арғыстырынаң 'с друзьями'(м), қолуңнаң '(твоей) рукой', адайнаң 'с собакой', чирчäнаң 'стаканом', е:ремнäң 'с мужем', е:бебелäң 'с домом', тäтä: выблäң 'с отцом', кäмäнäң 'с лодкой' (у этого же информанта, Татынкина Н.Д. встречается кäмäбелаң) б) арғыслаң 'с другом', па:лықлаң 'с рыбой', мылтықлаң 'с ружьем', чағлаң 'с маслом', каначақлаң 'с лыжами', те:мирлäң 'с железом', кӯбӯрлäң 'мхом'.

Выделенные форманты на данном этапе развития чулымско-тюркского языка являются алломорфами морфемы орудного падежа, так как отвечают принципам выделения грамматических морфем в тюркских языках: подвергаются сингармонизму и являются ударными.

I.2. Функционально эта форма вписывается в систему склонения чулымско-тюркского языка. Для подтверждения этой мысли проанализируем функции этой формы при соотношении поверхностной и глубинной структур предложения.

Прежде всего рассмотрим её контекстуальные значения. Здесь можно выделить значения:

I) орудийности (инструмента), например: кижи ы:типйа: кулағавала, көрсä: қара:ғавала 'человек слышит ушами, видит глазами'(нч); пис қайықвала ке:дзивäргä:вис айры ке:дзирä 'мы на лодке переправились через реку'(нч); мäн күрäнäм қар лопатвала'(нч); мäн сезергäм қар лопатла (т) 'я разгребал снег ло-

патой ; ол сира тартыбыл қанзабыла ‘он редко курит трубкой’ (т), рыбақ кәмәбелә кәлгән ‘рыбак лодкой приехал’(т), ме:ң агам уғлонын соққан кайышкурбыла ‘отец сына ударил ремнем’ (т), ақотник тутҡаган қозан тузақлаң ‘охотник поймал зайца петлей’ (м), а:штарны кәстекәбес те:мирлаң ‘деревья режем железом’(м), мән чө:ртүрүм каначақлаң , анзынтырым а:лычтарны аргыстырынаң ‘я хожу лыжами, охочусь за зверями с друзьями’ (м).

2) значение пути , например: мән клә:ткәм койуғ агац аразывала ‘я ехал густым лесом’(нч); о:цқа кла:ди йолвала ‘старик идет по дороге’(нч); игидзи күндә па:р верга:-выс әртән тайгавала ийгәрә ‘на второй день мы отправились утром тайгой дальше’(нч); мән артип пергәм айрывала орледе (нч); мән шыквара:дым чоктада пелтирлә (т) ‘я поднялся снизу по реке’ ылдын боган орақ чулга, ол пу орақпыла әпчиләр пәран суга ‘от деревни к реке дорога была, по той тропинке женщины ходили за водой’(т), пис үч күн үсла әмге:бес ‘мы три дня рекой плыли’(т).

3) совместности, например: пирраспис агъмвала па:рварга:с о:дуңга ‘однажды мы с отцом отправились за дровами (нч); оғлақ агазывала клә:ткән агац аразывала ‘мальчик с отцом (его) шел лесом’(нч); мылтыквала цыкган ‘с ружьем вышел’(нч); ар цорларвала цыгала чохтар ‘с тяжелыми санями подниматься не могут’(нч) тәте:зы сәпке қо:лун суққан, коседебла тәмкүсүн алган тартарга ‘отец в карман руку (его) положил, табак (его) с кесетом взял курить’(т); ол турган отпыла қо:лунда ‘он стоял с цветами в руке’(т); аргыхымны айтхыл әпчисибла кирайге ‘скажи другу (моему) с женой зайти’(т); арғыслаң чақсы полар кәрәк ‘с друзьями надо быть хорошим’(м); мән кыныдым каса чагдан чи:ге ‘я люблю есть кашу с маслом’(м), ол у:р күрәшкән

моғалақла ‘он долго боролся с медведем’ (т); әпчи чәләкли кәле:ди от ара:зында ‘женщина идет с ведрами по траве (среди травы)’ (м);

4) Значение времени, например: түнүвәлә үрган йел ‘всю ночь был сильный ветер’(нч); рыбақ чылыбыла па:лық тутубыл ‘охотник круглый год рыбу ловит’(т), әртәнгәзиңнәң иге кизы аңзынтыр көлдә ‘с утра двое людей рыбачат (охотятся) в озере’(м); мән түнүнәң санам книга, әртәнге четкәнджә санап свәам ‘я с вечера читал книгу, к утру прочитал’(м); пис күнүбелә тутқрабыс па:лық, пис тыткабыс тола чәләк ‘мы (всем) днем ловили рыбу, мы поймали полное ведро’(т), мән пүн күнүбила әптә о:лурубылгам ‘я (целым) днем дома сидела’ (т).

Значение орудийности говорит о том, что орудный падеж является аналогом семантического инструмента, обладающий признаком направленности действия от субъекта.(Это подтверждается примерами данными под пунктом I). По способу связи между актантами примеры под тем же пунктом I) говорят о том, что семантический инструмент обозначает отношение косвенной связи между участниками ситуации или события. Возьмем, к примеру, одно из указанных предложений, выражающих высказывание в котором наиболее ярко демонстрируется функция инструмента, передающая отношение косвенной связи: ме:ң агам углонын соққан кайышкурбыла ‘отец сына ударил ремнем’. В этом высказывании семантический субъект(отец)связан с объектом(сыном) через орудие, которым является ремень, то есть совершая действие, отец не имеет непосредственной прямой связи с сыном, а производит его (действие) через ремень. В значении орудийности, инструментальности, орудный падеж,таким образом,имеет следующие дифференциальные признаки: направленность от (предмета в широком смысле слова) и косвенность.

На синтаксическом уровне имя в форме орудного падежа в зна-

чении инструмента действия выражает синтаксический объект, характеризующийся также признаками косвенности и направленности. В поверхностной структуре предложения имя в форме орудного падежа функционирует как косвенное дополнение.

Имя в форме орудного падежа в локативном значении (в значении пути [illegible], например, чолбыла парайга 'идти лесом' (ср.в русском языке творительный пути: идти лесом, ехать берегом, бежать лугом, см.Грамматика русского языка, I25) является средством выражения актанта второго ранга, обозначающего причастность участника ситуации к месту совершения действия.

На синтаксическом уровне имя в форме орудного падежа в локативном значении обозначает обстоятельство.

Значение инструментальности, обусловленное соотнесенностью с актантом I ранга, является основным, локативное же значение, обусловленное соотнесенностью с актантом 2 ранга - производным.

Анализируя значение комитативности (совместности) орудного падежа, мы пришли к мысли, что на семантическом уровне у него нет аналога семантического участника события. Действительно, в высказываниях типа мăн аргыкымвла парлыкым 'я с другом пойду' или ол курашкан моралакла 'он боролся с медведем' и т.д. для форм аргыкымвла 'с другом' и моралакла 'с медведем' на семантическом уровне нет специальной позиции, нет специального актанта события, которые бы им корреспондировали. Их можно рассматривать в качестве какого-то участника совместно с субъектом (в примерах типа мăн аргыкымвла 'я с другом') или объектом (в примерах типа мăн кыпырым каса чарла 'я люблю кашу с маслом'(м). Эту мысль можно подтвердить трансформацией: мăн, аргыкым парлыкыбыс 'я (и) друг (мой) пойдем' или 'ол, моралак курашкан 'он (и) медведь боролись'.(Для чулымско-тюркского языка характерно бессоюзное присоединение однородных членов предложения).

Здесь фактически происходит своего рода преобразование того значения, которое обозначает соотнесенность с актантом, т.е. инструментальное значение, при котором у орудного падежа выделен признак косвенной причастности. Этот признак косвенной причастности как бы переосмысляется в данном случае и на первый план выступает в преобразованном значении - значении совместности. Если исходить из причастности актантов к событию, инструмент и субъект всегда предполагают совместное участие в действии. Это как бы вторичная линия - линия отношений между участниками (а не первичная, которая предполагает характеристику самих актантов, например, орудность - это значение самого актанта) становится основой функционирования орудного падежа в значении совместности.

Из вышеизложенного вытекает, что форма орудного падежа в значении комитативности, не обозначая семантического актанта, выполняет чисто синтаксическую функцию (входит в состав подлежащего, например, эгам карандăшлыбла 'отец (мой) с (своим) братом' или является определением, например, ăпчи отпла 'женщина с цветком').

В поверхностной структуре предложения семантика совместности выражается дважды: в форме орудного падежа и в форме совместно-возвратного залога. Например: пис кыстарпыла кăчă ур сатешхабыс 'мы с девочками вчера долго разговаривали'; кизиларлăн ăзăнăш кăрăк 'с людьми надо здороваться'; мен эгам курăшкăн моралакла 'мой отец боролся с медведем'. Это относится к обозначению двух или нескольких лиц, участвующих в совершении одного и того же действия и это второе лицо (или лица) является как бы контрсубъектом . В случае же обозначения лица и предмета это ограничение снимается и форма орудного падежа употребляется с глаголами различных залоговых форм.

Дублирование значения совместности формой орудного падежа и совместно-возвратной формой залога свидетельствует об изменении основного значения инструментальности у орудного падежа и появления частного значения, поскольку залоговые формы не выражают актантную структуру высказывания, а являются средством выполнения коммуникативной функции.

Выделенное выше временное значение орудного падежа является также его вторичным значением, поскольку в этом значении форма орудного падежа не обозначает семантического участника события. Это значение развилось на основе дифференциальных признаков орудного падежа: направленности (от) и опосредственной, косвенной связи. Так, в значении времени признак направленности проявляется в обозначении темпорального отрезка от и до какого-то временного пункта, например, в форме күнүбелә '(целым) днем' имеется в виду отрезок времени с утра и до вечера. В поверхностной структуре имя в форме орудного падежа в этом значении выполняет функцию обстоятельства времени.

Итак, на основе актантной соотнесенности можно выделить основное значение орудийности и производное значение - локальности, которое мы выделяем на основе соотнесенности с актантами второго ранга (т.е. не с самими участниками, а их причастностью к месту совершения действия). Кроме того, у формы орудного падежа имеются значения времени и совместности, которые мы считаем частными значениями, обусловленными отсутствием актантной соотнесенности.

Примечание: Поскольку значение совместности является результатом переосмысления дифференциального признака инструментальности, т.е. является частным значением формы, мы считаем целесообразным обозначить описываемый падеж термином орудный вместо орудно-совместного.

Исходный падеж

I.I. Исходный падеж в чулымско-тюркском языке выражен следующими алломорфами: -дын/-дин, -дун/-дүн, -тын/тин, -тун/-түн. Алломорф -дын/-дин употребляется после основ, оканчивающихся на гласный звук, или сонорные согласные, алломорф -тын/-тин, после основ, оканчивающихся на глухие согласные. Дистрибуция алломорфов -дун/-дүн, -тун/-түн определяется наличием губного гласного звука в корне.

I.2. Семантика исходного падежа многогранна. Можно выделить следующие контекстуальные значения: I) лица (предмета) или места, от которого исходит действие, например: ол а:ш парган агацтын 'он упал с дерева'(нч); кайдыннала ка:выргадым у:дывёртип парганнар кастар 'откудато- со стороны прилетели гуси'(нч); по ол кижидин алган 'это от того человека взял'(нч); тейдин мән алгам 'оттуда (от того) я взял'(нч); мән кайдин келгём, айноқ парго:м 'я откуда пришел, туда же и вернусь'(нч); ол ме:не қаберғадын сабыскан мәңземе ко:лың[ң]нан 'он ударил меня в лицо сбоку рукой'(м); со:л кулағындын кирип, он кулағындын шыққан, қо:с болған 'в левое ухо вошел, из правого вышел, красивым стал'(т); ол кырдын се:ребепескан суға: па:т паған 'он с горы прыгнул в воду, утонул'(м); тоғалдыттын тура тө:рт чүс пөрус 'от Тегульдета до города 400 верст'; о:ллак па:хендын аза:рына пәлчиктиг чө:ре:н 'мальчик с ног до головы в грязи ходил'(м); қойлар кастын түстүр 'овцы с горы спускаются'(м).

2) материала, например: турада адилйа:ди үеләр таштын 'в городе дома строят из камня'(нч); пис қара агаштын одаг тургустур-

убус 'мы из еловых (веток) шалаш делаем'(т); бостёктёр ейтер тайгыда о:ттат то:стун 'остяки делают шалаш в тайге из бересты'; пис ейтеребео о:ттат кара суғтун 'мы делаем шалаш (балаган) из еловых (веток)' (м); утхун епсо:лса чумак те:мир проволкадын тапсало:дыбыс 'когда сеть посадим, кружок за железную проволоку привязываем (м); мён ёки:н чемандын штан, пӧрӱк тык сеғам 'я из шкуры оленя брюки, шапку сшила'(м).

3) сравнения, например, по йылдыс қойа:дй йаруқрақ те йылдыстардын 'эта звезда горит ярче всех звезд'(нч); адай мыяқтын қыйға 'собака кошки умнее'(м); ме:м то:нум чылыт пийамнинди:н 'моя шуба теплее шубы моей сестры'(м); ёртён и:ргёгидин со:қ 'утром холоднее чем вечером'(м); етач ёптин пӧ:зӱк 'дерево выше дома'(т); кичиг тугбам улуг пийемдын чақшы тигиптир 'младшая (моя) сестра старшей (моей) сестры лучше шьёт'(т); кичиг карандё:жым улуг карандё:жыдын чақшы ёп е:ттър 'младший брат (мой) старшего брата (моего) лучше дом делает'(т),

4) причины: улуг йелдин қайды ағаштары сынпарн қайылары турйа:дй 'от большого ветра деревья сломались, некоторые стоять остались'(нч); ол қызыр парган уйаттын қула:гынга йеткӱнзё 'он покраснел от стыда до ушей'(нч); со:қтун ол са:тасалба:н 'от холода он не мог говорить'(м); исигдин а:ның қо:лы тёрлёп паған 'от жары у него руки вспотели'(м); ол ӧ:л паған ағрыгдын 'он умер от болезни'(т); тумандын ёшёмёдё көрнёр чо:гул 'от тумана ничего не было видно'(т); қызың та:рындын сыктаптыр 'дочь (твоя) плачет от злости'(т),

5) времени: уқлелйади кедзё:ги кӱндӱн 'спит со вчерашнего дня'(нч); мён а:ны көрбёним ке:зё:ги кӱндӱн 'я его не видел со вчерашнего дня'(нч); қайдыг цендин сён мында йуртапйа:дың 'с какого времени ты здесь живешь?'(нч); лӱ:н мён истептерем ёртён-

гидин, мён е:ттерем кёмё, и:рге первай шоппоп пағам, чаттап ёпке четке:м 'сегодня я работаю с утра, а делаю лодку, к вечеру устал, едва домой добрался'(м);

6) меры (стоимости): мён ӧ:вӱмё тутун тыкке:м уч метрёдин 'я себе платье (одежду) сшила из трех метров'(т); ол ма: сатқан моғалақ че:ты пёш килограм тӧ:рт ёбёштин 'он мне медвежье сало продал пять килограмм за четыре рубля'(т);

В основе отмеченных выше значений лежит признак исходности (направленность от предмета, лица). Очевиден он в значениях предложений, выделенных под пунктом I). В значении материала и времени форма исходного падежа выражает также исходность, т.е. исходный материал, начальный пункт, исходный момент во времени. При передаче значения сравнения имя в форме исходного падежа выражает исходный объект, по которому осуществляется приравнивание другого объекта. В значении меры (и стоимости) выражается значение партитивности, что также как и выделенные под пунктами 2, 3, 4, 5 значения, является косвенной номинацией исходности.

Значение исходности свойственно описываемому падежу и в других тюркских языках (Дыренкова, 1940, ;"; 1941, 44; Дмитриев, 1948, 241; Кононов, 1960, 98; Покровская, 116; Иванов, 1975, 43; Тенишев, 1976, 64; 1976, 110; Щербак, 1977, 68; Рассадин, , см. также Грамматику татарского языка, 1969, 142; Грамматику хакасского языка, 1975, 81 и др.).

Имя в форме исходного падежа в чулымско-тюркском языке также как и в большинстве тюркских языках не выражает участников события (актантов). Возьмем к примеру несколько любых высказываний: I) кижидин ман е:швё:ним, ӧ:зум көргам от людей я не слышал, сам видел'(нч), 2) олар цқан ӱдӱн эштеге:жимё қол тудума

'они вышли из дома, держа друг друга за руки'(нч) 3) пис тутуптурбыс па:лықтын па:лық 'мы ловим рыбу за рыбой'(м); 4) о:=рчақ тäрäн колосадын 'яма глубже колодца'(т). В ситуации, описываемой первым предложением, один участник,[x/] так как без лексемы кижидин, передающей исходный пункт действия, предложение это не воспринимается как неполное: ман е:шва:ним, б':зум кöргäм 'я не слышал, сам видел'. Во втором предложении тоже один актант, так как опущение үгдүн не создает неполноты высказывания. В третьем предложении два актанта (субъект и объект), так как релеванты два участника пис 'мы' и па:лық 'рыбу', поскольку при опущении лексемы па:лықтын 'от рыбы' предложение не воспринимается как неполное. В четвертом предложении один актант (субъект), так как опущение словоформы колосадын не приводит к неполноте высказывания: орчақ тäрäн 'яма глубокая'.

Не выражая актантов первого семантического уровня, имя в форме исходного падежа выражает актанты второго семантического уровня, т.е. причастность актантов к месту. Так, в первом и во втором предложениях, проанализированных выше, форма исходного падежа выражает пункт, откуда исходит действие, в третьем и четвертом предложениях–косвенная номинация причастности к месту: в предложении (3) словоформа па:лықтын 'от рыбы' передает объект, от которого идет дальнейшее исчисление объектов, в предложении (4), как указывалось выше, имя в исходном падеже обозначает объект, с которым сравнивается другой объект, т.е. тоже

x/ Основным критерием выраженности того или другого участника является обязательность выраженности данного участника хотя бы при одной словоформе данной лексемы "... обязательность означает здесь, что без соответствующего члена языкового выражения предложение воспринимается как неполное",см.Успенский, 78-79).

своего рода пункт, от которого идет сравнение.

Таким образом, по признаку направленности анализируемый падеж обозначает исходность, т.е. направленность от объекта (лица), по способу же связи форма исходного падежа обозначает прямую связь актантов с исходным пунктом действия. Если при орудном падеже актанты, например, субъект и объект связаны опосредовано через орудие, то при имени в исходном падеже имя, обозначающее актанта, непосредственно причастно к пункту, от которого исходит действие,, например, мäн пу адайны аргыымдын алгам 'я эту собаку у друга взял'(т), т.е. взял непосредственно у друга. Словоформа аргыымдын не передает участника события, так как релевантными актантами являются здесь семантический субъект и объект, поскольку опущение слова аргыымдын не нарушит полноты высказывания: мäн пу адайны алгам 'я взял эту собаку'. Однако словоформа аргыымдын выражает отношение актанта (субъекта) к месту (к пункту исхода действия), т.е. дифференциальными признаками исходного падежа являются направленность (от) и прямая, непосредственная связь.

Поскольку форма исходного падежа не обозначает актанта первого ранга, а служит для обозначения причастности актантов к месту совершения действия (т.е. актантов второго ранга), то основным значением данной формы является обозначение исходного пункта действия. Значения же времени, причины, стоимости и материала, необусловленные актантной соотнесенностью и представляющие косвенную номинацию исходности (как было показано выше), являются частными значениями данного падежа.

На синтаксическом уровне все актанты второго ранга представляют обстоятельства, поскольку выражают причастность к месту совершения события. Однако, согласно существующей тради-

ции формы, отвечающие на вопрос кимдин от кого? , нӧмедин от чего?, т.е. на вопросы косвенных падежей, относятся к косвенным дополнениям. Формы с локальными, пространственными значениями выступают в функции обстоятельства. Правда, иногда некоторыми тюркологами имя в форме исходного падежа относится только к дополнению (Дыренкова, 1941, 267; 1940, 279).

Придерживаясь в данном случае сложившихся традиционных синтаксических представлений, мы констатируем функцию косвенного дополнения и различных обстоятельств (места, времени, причины) для формы исходного падежа. Эти функции исходного падежа (косвенного дополнения и обстоятельства) указываются многими исследователями и для других тюркских языков (Баскаков, 1972, 87; Исхаков, Пальмбах, 1961, 135; Иванов, 1975, 48; Грамматика хакасского языка, 1975, 81).

Кроме этих функций, форма исходного падежа может выступать в функции подлежащего, например, в тувинском языке (чазаҕтан чарлыҕ үндүрген 'правительство (ф.исходн.п.) издало указ'; Исхаков, Пальмбах, 135). Данная синтаксическая функция исходного падежа, как мы полагаем, хорошо согласуется с актантной соотнесенностью элементов поверхностной структуры.

Поскольку дифференциальным признаком исходного падежа является исходность, теоретически вполне допустимо, что он может обозначать актанта, который сам является исходным пунктом действия (т.е. участника первого уровня семантического анализа). Таким актантом, который занимает позицию исходного пункта сообщения, является семантический субъект, вот почему в поверхностной структуре подлежащее в некоторых языках может стоять в форме исходного падежа, в частности, как мы видим, это имеет место в тувинском языке.

Местный падеж

Местный падеж в чулымско-тюркском языке оформляется морфемой местного падежа, представленной алломорфами -да/-дӓ, -та/-тӓ. Дистрибуция их зависит от конечного звука основы: 1) после основ, оканчивающихся на гласный или сонорный согласный, употребляется алломорф -да/-дӓ, 2) после основ, оканчивающихся на глухой согласный - алломорфы -та/-тӓ. Например:

1) палада 'у ребенка', ҕолда 'в руке', талда 'на тальнике', таҕда 'на горе', кӧлдӓ 'в озере', ӓмдӓ 'в лекарстве', түлгүдӓ 'у лисицы';

2) ҕаҕвақта 'в капкане', со:ҕта 'на холоде'(м), чимчаҕақта (в сплошной) темноте , о:тус чашта 'в тридцать лет', айақта , 'в чашке (деревянной)', үстӓ 'на Чулыме', ӓптӓ 'в доме', түктӓ 'в шерсти'.

Рассмотрим на примерах сферу функционирования местного падежа в чулымско-тюркском языке:

1) кадзен пис пра:тке:быс йылгыда кӧ:ргӓ:ʔвис айрыда ка:йуктар 'когда мы ехали на лошади, мы видели на реке лодки'(нч); ҕайуҕта йа:дӣ цоцвақ 'в лодке лежит щука'(нч); түлгү па:лацақтары йӓдӓ кунгара:гында йылныл йатканнар 'лисята, лежа на солнце, грелись'(нч); күндӓ көрнүвӓрди ҕара пулут 'на небе стало видна черная туча'(нч); ме:ң палам үранган школда 'мой сын учился в школе'(нч); е:бениң сеңеринде о:лурубыл күчүгач 'в углу комнаты (дома) сидит щенок'(т); үчүзү чурта:был турада, игезы ында чурта:был 'трое живут в городе, двое в деревне живут'(т); ол ке:п агач алтында о:лурган 'он вернувшись, за деревом сел'(т); ӓп ча:нда о:дуң чатҕан 'у дома дрова лежали'(т); ӓр кижи турубыл ҕа:быта 'мужчина стоит у дерева', ында ол күнзай полоды 'в деревне он каждый день бывает'(т); увақ

итвәк усталгейнда чича:ты 'крошки хлеба на столе лежат'(т); суғ айақта чылыг 'вода в чашке теплая'(т); ол ко:руққан карычкыда, чимчарақта 'он испугался в темноте, в сплошной темноте'(т); ы:л а:лында от көп полган 'перед деревней много цветов (травы) было'(т); пу а:лда мән чуртам он джасха четкәнджә 'в этой деревне я жил до десяти лет'(м); пис төːртилән кунғабыс тайгыда 'мы вчетвером переночевали в тайге'(м); ти:ң изин карда ка:л паған 'белка след (свой) на снегу оставила'(м).

2) иңәртә ол келган 'вечером он пришел'(нч); пис күскүдә тудадывыс па:лық 'мы осенью ловим рыбу'(нч); иди төдүр йе:ткелген он күн па:жында 'собака вернулась через десять дней'(нч); пер чыл па:жында келго:м 'через год приеду'(нч); йаскыда от өс варган 'весною трава выросла'(нч); о:тус чашта порой паган 'в тридцать лет посадел'(т); ига чыл па:женда учитель по:п паған 'через год учителем стал'(т); ол паре:ды кышқыда урәнерге 'он едет зимой учиться'(т); сыбычақ пер чыл па:женда чылгы по:п пәрсык 'жеребенок через год станет лошадью'(т); улуғ сувақта чылыг пө:рүк кийәргә кәрәк 'при сильных морозах теплую шапку одевать надо'(т); қышқы сувақта қол тоңбасса карлы чижибилбис 'в сильный мороз руки растираем снегом'(т); урепсалганзонда мән иштепестеқмән 'после учебы я начну работать'(т); ол ти:ң атқанда игене ө:лурган 'когда он стрелял в белку, убил двух'(т); пис е:ремнаң чуртанда, ол әгбәкты мән пәге:м е:ремә 'когда мы с мужем жили, я то кольцо дала мужу', иси күндә а:ш ары:ыңда, а:ш алты:нда о:лурайга кыныдым 'в жаркий день в лесу, под деревьями я люблю сидеть'(м); қашан қол кастап пагамда туғас ваган ма: кыс кызыл плателыг 'когда я шел вдоль озера, повстречалась мне девушка в красном платье'(м); чайгыда түлгү туттыр өртәк палы:зын 'летом лиса ловит утят'(м); күскүдә чәрни пүр ша:п паған кысхыда карлаң 'осенью землю листва покрывает; зимой - снегом'(м).

Все многочисленные примеры под пунктом I) показывают, что местный падеж обозначает место (месторасположение), причем имя в форме местного падежа употреблено при бытийных глаголах: лежать, находиться, быть, жить, сидеть (в значении находиться), т.е. при предикатах нахождения, существования. Именно поэтому возможна форма местного падежа в предикативной функции, например: ме:ң карындо:зым қолқоста бригадирда 'мой брат в колхозе бригадиром'(м). Употребление формы местного падежа при бытийных глаголах является главной особенностью функционирования местного падежа.

В предложениях под пунктом 8) местный падеж употреблен в значении времени. Временные значения вторичны, они развиваются на основе пространственных. Других значений, кроме локативного и временного имя в форме местного падежа в чулымско-тюркском языке не выражает.

На семантическом уровне имя в форме местного падежа не передает актанта, это подтверждается свертыванием предложения, при котором опущение словоформы в местном падеже не ведет к неполноте высказывания (Успенский, 78-79).

Возьмем предложения под пунктом I). В первом предложении два актанта: субъект и объект - они релевантны, так как опущение словоформы йылгыда ('на лошади') и айрыда 'на реке' не ведет к неполноте, например, кадзен пис пра:тка:выс, пис кор:га:вис кайққтар 'когда мы ехали, мы видели лодки'(нч); Во втором предложении при опущении словоформы кунгаре:ғында 'на солнце' также сохраняется полнота высказывания: түлгү па:лацактары йада йыл-

ның 'лисята лежат греясь'(нч), т.е. в этом предложении один актант (субъект). То же обнаружим при анализе имени в форме местного падежа в значении времени. В ситуации, описываемой предложением иңәрта ол кәлгән 'вечером он пришел', также один актант (субъект), так как свертывание предложения до ол кәлгән 'он пришел' сохраняет полноту высказывания. Возьмем любое другое предложение с формой местного падежа тоже в значении времени: кышкы суакта кол тонбасса карлы чижибилбис 'в сильный мороз руки, чтобы не замерзли, растираем снегом'.Свертываем его до предложения со словоформами, передающими релевантных участников ситуации: кол тонбасса карлы чижибилбис 'руки, чтобы не мерзли, снегом растираем'. В этом предложении три релевантных участника ситуации: субъект, объект и инструмент.

Таким образом, на семантическом уровне нет позиции (актанта), которая бы передавалась формой местного падежа. Но имя в форме местного падежа обозначает локативный комплимент предиката, выраженного экзистенциональными глаголами.

На синтаксическом уровне эти бытийные глаголы требуют обязательного распространения обстоятельствами: тайгада попарган ай дәе:не 'в тайге был месяц'(нч); мән то:ла ӱстә чурта:бълъм 'я всегда на Чулыме живу'(срч). Без обстоятельства места предложения становятся неполными: попарган ай дәе:не 'был месяц' или то:ла чурта:бълъм 'всегда живу'.

Обстоятельства места с экзистенциональными глаголами поэтому являются облигаторными членами глагольных словосочетаний. "Для этих глаголов их семантикой предсказана и потому регулярна системная связь с локальным определителем (жить в городе, на юге, у моря)" (Шведова, 48).

От обстоятельственных детерминантов словосочетания следует отличать детерминанты - распространители предложения.(Критерии разграничения см. Шведова, 47), например: олар көп па:лық тутқан ол көлдә 'они много рыбы поймали в том озере'. В этом предложении көлда 'в озере' является локальным определителем (распространителем) всего предложения, поскольку локальное обстоятельство көлдә 'в озере' связано с глаголом тутқан 'поймали' несистемной связью.

Таким образом, основной синтаксической функцией имени в местном падеже является функция обстоятельства (локального и темпорального).

Форма на -ча

В тюркских языках форма на -ча, присоединяемая к именам существительным, имеет направительное и сравнительное значение, которые, исходя из материалов диалектов тюркских языков, необходимо дифференцировать (Гаджиева, 1975, 275).

Данная форма со значением продольности, направленности в Сибирском ареале встречается в чулымско-тюркском, хакасском (Дыренкова, 1948,119), шорском (Дыренкова, 1941,64), алтайском (Дыренкова, 1940,217),бачатско-телеутском (Анисимова,88)

и тувинском (Исхаков, Пальмбах, 137) языках.

С функциональной точки зрения анализируемая форма в Сибирских языках, как правило, относится к аффиксам=послелогам (Дыренкова, 1948, 119). Исследователи некоторых языков (Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах - по тувинскому языку, М.И.Боргояков - по хакасскому языку, Г.Г.Фисакова по языку бачатских телеутов) включают её в систему склонения имен существительных, определяя данную форму как направительный падеж (в тувинском языке) и продольно-сравнительный падеж (в хакасском и бачатско-телеутском языках).

Чтобы рассматривать форму на -ча с направительным и продольным значением как падежную форму, необходимо определить её место во всей системе падежей в языках Сибирского ареала. Для определния места формы на -ча в системе именного склонения необходимо рассмотреть функционирование дательно-направительного падежа и формы на -ча, поскольку значения той и другой формы находятся в определенных коррелирующих связях.

Основными контекстуальными значениями имени в форме дательно-направительного падежа являются обозначения: а) адресата действия и б) пункта, к которому направлено действие-движение.

В значении адресата имя в форме дательного падежа употребляется с глаголами речи, давания и с глаголами эмоционального состояния. Например:[x/] а) чул.=тюрк. аргызы е:рама: айтып саран чаксы чурти:га 'друг (его) мужу (моему), пожелал хорошо жить'; хак. Пуўн Таштыпсар паперга - огланнарга приказ пиргеннер 'сех/ Примеры по анализируемым языкам (кроме чулымско-тюркского языка) взяты в работах Н.А.Баскакова, М.И.Боргоякова, Н.П. Дыренковой, Ф.Г.Исхакова и А.А.Пальмбаха, Д.Ф.Патачаковой, Г.Г.Фисаковой.

годня ехать в Таштып дали приказ ребятам ; алт. Марс мӧрө кандый ле керени чоктап перди 'барс рассказал обо всем волку'; шор. Чабал кижиге мӱң сӧс айт, чакшы кижиге пир сӧс айт 'худому человеку скажи тысячу слов, хорошему человеку скажи одно слово'; тув. Сарыг=оол эжинге чагаа чорутқан 'Сарыг-ол послал товарищу письмо', чул.=тюрк. мӓн ӱрнӱп пағам кӓлгӓн қарандә: жыма: 'я обрадовался пришедшему брату (своему)'; хак. ӱгретчи олғаннарға пизер тетрадьтӓң ӱлеп пирген 'учитель раздал ребятам по пять тетрадей'; алт. чее, мен пир кижиге чийлегими сатып ийдим 'ну, я и продала ягоды одному человеку'; шор.паламға (палама) книга пердим 'я дал моему ребенку книгу'; тув. Кыыл=оол аъдынга сиген каап берген 'Кыыл=ол дал своей лошади сено'.

Примеры на второе значение: чул.=тюрк. кӱскӱдӓ ӧртӓктӓр па:=ртыр чылыг жӓрге 'осенью утки улетают в теплые края'; шор.ӱйге кирди 'в дом вошел'; алт. апыйак ла куртыйак ишке барганыр 'старик и старуха пошли на работу'; бач.=тел. кӓме: к лодке ; хак. вокзалга читкенде... 'когда подошли к вокзалу'; тув. Пионерлар чайын лагерьге дыштанып турганнар 'Пионеры летом отдыхали в лагере'.

Таким образом, исходя из контекстуальных значений, можно заключить, что имя в форме дательно-направительного падежа выполняет семантико=синтаксическую функцию адресата, т.е. маркировано признаком направленности (к). Признак направленности совершенно очевиден и в пространственных значениях, обозначающих направление движения действия к какому-то пункту в пространстве.

Другие значения дательно-направительного падежа (стоимости, времени и д.д.), представляющие собой косвенную номинацию признака направленности, мы здесь не рассматриваем, так как для нас существенны только значения, коррелирующие со значениями

формы на -ча, т.е. пространственные.

По способу связи с действием имя в дательном падеже обозначает косвенное отношение предмета к действию, отсюда его синтаксическая функция косвенного дополнения. Таким образом дифференциальными признаками дательного падежа являются направленность и косвенность.

Форма на -ча также обозначает направленность, например, в тувинском языке: хемче 'к реке', көлче 'к озеру', хоорайже 'в город'. В других тюркских языках сибирского ареала, в которых эта форма отмечена, она обозначает продольность (движение вдоль, по, через предмет). Например: чул.-тюрк. чолча 'по дороге', тарча 'вдоль горы', тайгача 'через тайгу', сугча 'через воду', ӱ:сча 'через Чулым'; хак. чарча 'по берегу', көлча 'по озеру', тарча 'по горе'; бач.-телеут. горотчо 'по городу', су:ча 'по воде' (по реке), көлчө 'по озеру', чолчо 'по дороге', шор. мынча через это, сугча 'через реку', тайгача 'по тайге', чолча 'по дороге', школ кырыынча 'около школы'; алт. ӱстунча 'по верху', изинче 'по следу', дьолынча 'по дороге'. По способу связи с действием эта форма тоже обозначает косвенность, т.е. имя в форме на -ча не указывает на прямую связь актантов (участников ситуации) с местом действия, а указывает только на связь действия с направлением движения.

У этой формы, как мы видим, тот же набор дифференциальных признаков, что и у дательно-направительного падежа, т.е. направленность и косвенность. Однако, обозначая направленность (продольность) и косвенность, данная форма выражает эти значения только по отношению к месту совершения события. Например: чул.-тюрк. ке:р кижи чолча паре:ды 'Старик по дороге идет'; алт. көлдин дьаказынча дьортып келдибис 'Мы приехали по берегу (берегом)

озера'; хак. чирче:: тубан чайылча 'По земле стелется туман'.

В то время как выделенные выше значения у дательно-направительного падежа обусловлены соотнесенностью как с актантами первого ранга, так и с актантами второго ранга, т.е. в системе языка существует способ передачи значения причастности актантов к месту совершения действия.

Форма же на -ча поэтому избыточна. Она служит лишь для уточнения направленности (в тувинском языке) и характеризует направленность движения особым образом, выражая специализированные значения продольности (в хакасском, чулымско-тюркском, шорском и алтайском языках), т.е. эта форма не может быть включена в систему склонения, поскольку значения ее выражаемые составляют семантико-синтаксическую функцию дательно-направительного падежа. Форма же на -ча служит лишь уточнителем, характеризующим движение особым образом (вдоль, по, через предмет).

Категория принадлежности

I.I. При функционировании в речи имя существительное в чулымско-тюркском языке независимо от синтаксической позиции может получать аффиксы принадлежности, например: ага:м кале:ди 'отец (мой) идет'; мән күнзай арғы:ҳымны көрәдим 'я каждый день (моего) друга вижу'; ине:гең сән сағаң ба? 'корову (твою) ты подоила ли?'; мән тамна ча:ң ти:ң пӧ:рүгӱ тигибастыкым 'я завтра новую белечью шапку (ф.притяж.) сошью'; кызым әртәнгидин и:рге чәткәндже е:бендә о:лурган 'дочь (моя) с утра до вечера в доме (своем) сидела'.

В чулымско-тюркском языке существуют три способа выражения значения принадлежности: I) морфологический, 2) морфолого-синтаксический и 3) синтаксический.

Морфологический способ представлен аффиксами принадлежности всех трех лиц единственного и множественного числа. Аффиксы принадлежности, выделенные А.П.Дульзоном, имеют следующие варианты:

	а) для основ с конечной гласной	для основ с конечной согласной
	ед.ч.	
I л.	- м	-ым, -им, -ум, -ум
2 л.	-ң	-ың, -иң, -уң, -ӱң
3 л.	-зы, -зи, -зу	-ы, -и, -у, -у
	мн.ч.	
I л.	-выс, -вис, -вус, -вӱс	-выс, -вис, вус, вӱс
2 л.	-ыңнар, иңнәр	-ыңнар, иңнәр
3 л.	зы, зи, зу	-ы,-и,-у,-ӱ

Следует отметить, что для среднечулымского диалекта характерно факультативное чередование первого согласного аффикса I л. мн.ч. б/в, чаще все же встречается б.

Судя по материалам Н.Ф.Катанова, аффикс притяжательности во 2 л. множ.числа чулымско-тюркского языка имеет соответствие в уйгурском языке, где он имеет форму - ңлар/ңләр после гласных и -ыңлар/-иңлар после согласных (Катанов, I903, таблица IX). Это отмечено и А.П.Дульзоном (Дульзон, I966, 450). В чулымско-тюркском же языке суффикс множественного числа подвергается ассимиляции, в связи с чем аффикс притяжательности 2л. множ.числа имеет форму -ңнар/-иңнар.

Примеры склонения имен существительных в категории принадлежности.

	ед.ч.	
I л.	пала:м 'мой сын'	а:дым 'мой конь'
2 л.	пала:ң	а:дың
3л.	пала:зы	а:ды
	мн.ч.	
I л.	пала:выс/пала:быс	а:дывыс/а:дыбыс
2 л.	пала:ңнар	а:дыңнар
3 л.	пала:зы	а:ды
	ед.ч.	
I л.	кызым моя дочь	сӱдӱм 'мое молоко'
2 л.	кызың	сӱдӱң 'твое молоко'
3 л.	кызы	сӱдӱ 'его молоко'
	мн.ч.	
I л.	кызывыс/кызыбыс	сӱдӱвис/сӱдӱбӱс
2 л.	кызыңнар	сӱдӱңнәр
3 л.	кызы	сӱдӱ

Судя по парадигме склонения имен существительных с формантами принадлежности, можно заключить, что в группе слов гласный, предшествующий аффиксу принадлежности, удлиняется, в другой группе - сохраняется кратким (см. об этом Бирюкович, 60).

По нашим наблюдениям при имени существительном во множественном числе формант притяжательности присоединяется чаще после аффикса множественного числа. В форме 2 лица мн.ч. наблюдается плеонастическое употребление аффикса множественного числа, например, палаль̈ыңнар 'ваши дети', әптәңнәр 'ваши дома'.

При морфолого-синтаксическом способе принадлежность выражается с помощью личного местоимения в родительном падеже и аффиксом принадлежности, присоединяемым к основе существительного, например, ме:ң а:дым 'мой конь', се:ң а:дың 'его конь', а:ның а:ды 'его конь'.

При синтаксическом способе значение принадлежности выражается с помощью личного местоимения в родительном падеже и имени существительного в форме основного падежа, например: пистиң инәк шүбүр сағлыбыл 'наша корова доится', силәрниң инәк сирә көп перебел сүтүн 'ваша корова всегда много дает молока (её)'.

I.2. Имеющиеся в языке формальные средства выражения и регулярность их использования свидетельствуют о наличии в чулымско-тюркском языковой категории, обладающей определенным содержанием и способами его выражения.

Вопрос семантики данной категории, именуемой категорией принадлежности, является до сих пор дискуссионным и это вполне объяснимо, учитывая сложность самой природы анализируемой категории. Исследователи тюркских языков поэтому подчеркивают условность данного термина (Дмитриев, 1948, 22) и отмечают, что значение этой формы не может быть сведено к обозначению принадлежности и обладания. Значение этой формы гораздо шире (Севортян, 38-44) и выражает, главным образом, отношения различного типа (Майзель, 25-43).

Исследователи совершенно справедливо отмечают противопоставленность форм I и 2 лица форме 3 лица (Севортян, 43-44; Иванов 1975, 57). В I-м и во 2-м лице формы категории принадлежности действительно обозначают отношение реальной принадлежности: ча:-джым порой пысхан 'волосы (мои) поседели', темна уқсум одалық мән 'завтра лук (свой) прополю', ады:йен уруптур 'собака (твоя) лает', тутунуң чунар гәрәк 'одежду (твою) стирать надо'. Формы же принадлежности третьего лица могут обозначать отношение части к целому, временные, пространственные и др. отношения, например: истыл 'целым днем', чолыбыла 'дорогой (его)'. Выделяя отношения разного характера, обозначаемые формантами принадлежности, необходимо, на наш взгляд, определить единую основу, объясняющую механизм функционирования данной категории.

С этой целью рассмотрим нижеследующий отрывок из сказки: I) әмдә кижиг қарындо:зы (ф.прин.) орту:на (ф.прин.) айдыбылы: „ортун қарындаш, сан қал, қатағла"; ол қа:п паған, қатагла:-была. пазақ кө:лү (ф.прин.) көп ысхан. че:ге (ф.прин.) сыққан. пазақ писләң қаттырны шәслаптыр, қанны:рын (ф.прин.) иштыр. ишсе:п тө:дүр ке:р паған. әмдә қарындысты:ры (ф.прин.) кәлгән. ортун қарындо:зы (ф.прин.) айтә:н. улуғ қарындо:зы (ф.прин.), ортун қарындо:зы (ф.прин.) келте:рен (ф.прин.) пер саған, олло:ры (ф.прин.) ушуп парсхан. 2) а:ның қо:лун (ф.прин.), па:жын (ф.прин.) күске кемерепискән. кө:мис аңнапысхан, куске:жи (ф.прин.) сартипискан. куске:жи (ф.прин.) тырныпысхан. куске от па:жын (ф.прин)х кемерепискән. пу чит ол а:ны көрүблү. күске:жи (ф.прин.) чи:п са:п чахсы по:пысхан.

чи:т о:л от па:зын (ф.прин.) кемертер (запись мелетского говора).

I) Затем младший брат (его) среднему (его) говорит: "средний брат, ты останься сторожи. Он остался, сторожит. Опять зола (его!) поднялась, черт (его!) вышел. Опять шилом жен прокалывает, крови (их) пьет. Выпив, обратно зашел. Затем братья (их) пришли. Средний брат (его) не сказал. Старший брат (его) средний (его) одежду (их) отдали, те (их) улетели... 2) его руку, голову (его) мышь начала грызть. Немного пришел (он) в себя, стряхнул (мышь). Мышь (его) начала дрожать. Мышь верхушку (его) травы начала грызть. Этот молодой человек видит это. Мышь (его) поев, хорошо (стало ей). Молодой человек верхушку травы (его) ест.

Из отрывка видно, что почти каждое существительное оформлено аффиксом принадлежности, что свидетельствует о том, что для носителей чулымско-тюркского языка оказывается очень существенным маркирование имен объектов признаком принадлежности. Это дает основание считать, что семантической доминантой чулымско-тюркского имени является категория принадлежности. Мы употребляем данный термин в более широком значении, понимая под этим выражение отношения, включенности лица (предмета) в сферу существования другого.

Дифференциация объектов по признаку включенности/невключенности выражается на разных уровнях языковой структуры и разными языковыми средствами. Так, например, на коммуникативном уровне происходит дифференциация объектов по признаку включенности в сферу говорящего, т.е. участников коммуникации, с одной стороны, и в сферу лица (предмета), не являющегося участником коммуникации - с другой. На особый статус третьего лица указывает

и Э.Бенвенист. "Форма, называемая третьим лицом, действительно содержит указание на высказывание о ком-то или о чем-то, но не соотносится с определенным "лицом". ... Следствие этого должно быть четко сформулировано: "третье лицо" не есть "лицо" (Бенвенист, 262).

Всё, что включено в сферу участников коммуникации, стоит в форме I или 2 лица, всё, что не включено, стоит в форме 3 лица, а это ведет к ослаблению значения принадлежности у формы 3 лица. Именно этим и можно объяснить употребление в вышеприведенном отрывке таких форм как че:ге 'черт (его!)', кускe:же 'мышь (его!)', означающих не принадлежность, а объекты, включенные в сферу лица, не являющегося участником коммуникации. При этом имеется в виду именно признак включенности, а не признак принадлежности как таковой, что хорошо иллюстрируют формы "принадлежности" у существительных че:ге 'черт (его!)' и кускe:же '(мышь (его!)', которые не включены в сферу говорящего и слушающего.

Таким образом, мы предполагаем, что основой, объясняющей механизм функционирования категории принадлежности в чулымско-тюркском языке (возможно, и в других тюркских языках), является универсальная семантическая оппозиция включенный/невключенный (о возможности выделения данной оппозиции см. Т.В.Цивьян, 249). Категориальные формы принадлежности являются формальным средством выражения признака включенность. Под признаком включенность мы понимаем, как было показано выше, включенность объекта в сферу существования другого: формы I и 2 лицо являются формальным выражением включенности в сферу существования коммуникантов, форма 3 лицо - в сферу существования не-коммуниканта. Следовательно, признак включенности выражается в чулымско-

тюркском языке на коммуникативном уровне посредством оппозиции включенности в сферу существования участника коммуникации/неучастника коммуникации.

Дополнительным свидетельством того, что категория принадлежности в чулымско-тюркском (и, по-видимому, в других тюркских) языке служит средством выражения универсальной семантической оппозиции включенности/невключенности является её проявление в более частной оппозиции отчуждаемости/неотчуждаемости признака. При передаче отношений, основанных на данной оппозиции, в чулымско-тюркском языке оказываются противопоставленными две группы слов: одна неотчуждаемые (сюда входят названия частей тела, имена родственников), например: паш 'голова', қол 'рука', азақ 'нога', темак горло, чач 'волосы', мäӈзи 'лицо', қарақ 'глаз', пала 'сын', қыз 'дочь', äр 'муж', қат 'жена', ичä 'мать', туба 'сестра', қарандаш 'брат' и т.д. и другая группа отчуждаемые: äп 'дом', инäк 'корова', чылгы 'лошадь', адай 'собака', тон 'шуба', пö:рук 'шапка' и т.д., т.е. неотчуждаемые отмечены постоянным признаком включенности, отчуждаемые классифицируются как включенные или как невключенные, в зависимости от ситуации. Когда они классифицируются как включенные, в языке они выражаются формально средствами категории принадлежности, когда же они классифицируются как невключенные в сферу существования лица (объекта), они не маркируются аффиксом принадлежности.

Категория числа

I.I. В чулымско-тюркском языке существуют две формы, передающие наличие или отсутствие значения множества: форма, совпадающая с основой, и форма с аффиксом -лар. Первая форма может обозначать: а) значение одного предмета в классе однородных предметов: қа:бур ырап аштыланған 'дверь, скрипя, открылась'; моғалақ, маӈзерап а:чқа сық ваган пал аларға 'медведь, торопясь, на дерево залез, чтобы достать мёд'. Выражая единичность, данная форма выступает здесь в функции квантитативной актуализации; б) значение собирательной множественности, т.е. значение недифференцированного множества элементов класса, воспринимаемых как целое: чайгыда пӱӈктä кäläмчӱк ӱштер 'летом на лугу бабочки летают', пис каске:бес пудақ 'мы нарезали веток'. Значение собирательной множественности рассматривается как древнейшее (Серебренников, 1974, 162); в) наименование родового понятия, выражая класс предметов в совокупности его элементов, выступает, таким образом, в генерализующей функции. В этом значении форма единственного числа выступает, как правило, в следующих группах существительных, обозначающих:

I) животных: инäк 'корова', ат 'лошадь', қуш 'птица',

2) название растений: от 'трава', пӱр 'листва', қа:зың 'береза', қара қа:зы 'сосна',

3) парные единства: қол 'рука', о:ч 'ладонь', көс 'глаз'.

Эти значения у формы единственного числа выделяются учеными и в других тюркских языках (Дмитриев, 1956а, 68; Кононов, 1956, 68; 1960, 74-75; Тенишев, 1976б, 102, и др.). Выделенные значения у формы без -лар говорят о том, что эта форма может выражать в синтагматике и значение единичности и значение

множественности, т.е. под формой ат 'лошадь' говорящий и слушающий могут иметь в виду и единичного предоставителя вида и нескольких. Следовательно, значение единичности не присуще самой форме без -лар.

Характерной особенностью тюркских языков является употребление формы единственного числа с различного рода кванторами: а) числительными и б) различного рода детерминантами, например: пайдак 'много', көп 'много', бу 'этот', ол 'тот'.

Например: а) пäш кижи иге кäмä кереп па:расхън 'пять человек в две лодки сев, поехали'. ӱы қарандаш боган. оларга ӱш ку: кäлгäн 'три брата были, к ним три утки прилетели'. б) äпчиниң оглонны пайдак 'у женщины детей много'; ы:л алында от көп полган 'перед деревней травы много было'.

Эти сочетания передают значение множественности. В первом случае передается значение дискретной множественности, что вытекает из наличия количественного числительного, в котором (логически) присутствует значение счета и которые, таким образом, могут сочетаться только с дискретными существительными. Во втором случае значение множественности может восприниматься как дискретное, если семантика существительного выражает дискретность и как собирательное, если в семантике существительных содержится это значение (трава, рыба, скот). Значение же множественности передается здесь не формой существительного без -лар, а именно кванторами. В языках другого строя, например, в немецком языке один из членов оппозиции категории числа также представлен основой, например , das Buch (-Bücher). В сочетании же с кванторами выступает форма с суффиксом множественного числа (zwei Bücher, viele Bücher), потому что самой форме das Buch присуще значение единичности.

I.2. Форма с -лар, передающая значение множества однородных предметов, функционирует в исследуемом языке в фонетических вариантах -лар (-лäр, -нар/-нäр, -тар/-тäр), являющихся алломорфами морфемы множественного числа, поскольку они находятся в отношении дополнительной дистрибуции и передают одно и то же дифференциальное значение. Например: äпте:ре äргип паган 'дома (их) старые стали'; па:мы:гымны карандаше:рына пäге:и 'рыбу (свою) братьям (своим) отдала'(т).

В мелетском говоре среднечулымского диалекта факультативно отмечается употребление алломорфа -тор, например, қарындасто:рым 'мои братья', агачто:ры 'его палки', оглаппо:рың 'твои дети'(об удлинении гласного в форманте мн.ч. см. раздел "Категория принадлежности). Кроме того, в тутальском и мелетском говоре гласный аффикса мн.ч. перед формантом притяжательности опереднется.

Как и форма единственного числа, форма множественного числа выражает также значение обобщенного наименования класса: могалақтер пал кыно:ды 'медведи любят мёд', қуштарлыкырыстыр 'птицы поют'. Также как и форма единственного числа, данная форма в этом значении передает класс предметов в совокупности его элементов. Кроме того, форма с -лар может выражать и значение совокупного множества, например: кäлäмчӱктäр ӱы тӱр 'бабочки летают'. Таким образом, форма с -лар может выражать

1) множество однородных предметов;
2) собирательную множественность;
3) наименование родового понятия.

Следовательно, имеющиеся формы без -лар и с -лар формально противопоставлены как немаркированная и маркированная. Семантически же форма с -лар, по-видимому, не может рассматриваться

как сильный член оппозиции, поскольку значением множественности, ему присущим, обладает и форма без -лар. В литературе отмечают, что дифференциация форм ат 'лошади' и формы атлар 'лошади' базируется на противопоставлении однородного множества (в первом случае) и раздельного (во втором случае). На наш взгляд это может иметь место только в особом контексте, где подчеркивается, возможно, различие сорта, вида; во всех же остальных случаях при форме атлар 'лошади', огланнар 'дети' носитель чулымско-тюркского языка не дифференцирует их раздельно, а воспринимает их больше, чем один, например: огланың парба? и огланнырың пар ба? 'дети у тебя есть?' Мы не можем утверждать, что в первом случае он воспринимает понятие "дети" нерасчлененно, а во втором расчлененно.

Очень существенен также факт присоединения формы -лар к вещественным существительным. Объяснить подобное употребление форманта -лар в целях выражения значения сорта, вида (что, по-видимому, может иметь место, но очень в специфическом контексте), приводимое во многих работах по различным языкам, не всегда удается в чулымско-тюркском, например: I) катты:ры сыхты:стырлар 'жены (их) плачут'; канны:ры ахсыптырлар 'крови (их) текут'; 2) пазақ пислең қатты:рын паслантыр 'опять шилом жен (их) колет'; канны:рын иштыр 'крови (их) пьёт'. Ясно, что здесь не может идти речь о сорте, виде. В данном случае реализуется, отмечаемое и в других тюркских языках (Кононов, 1960, 78; Иванов, 1975, 12, и др.) значение обилия. Именно потому, что форма с -лар присоединяется как к конкретным существительным, так и к вещественным она обозначает не число, а количество (наличие некоторого количества или обилие количества).

I.3. Значение совокупной множественности у формы единственного числа является для исследователей тюркских языков основанием для сомнений в существовании в этих языках грамматической категории числа. Высказывается мнение о лексическом способе выражения множественности (Сергеев), о неграмматичности категории числа имен существительных (Тумилиц). Существует точка зрения, согласно которой при интерпретации категории числа исходят из посылки, что бир (числительное "один") - грамматический показатель единичности противопоставляющийся морфологическому аффиксу множественного числа -лар, что только в этом случае конституирует грамматическую категорию числа в тюркских языках (Гузев, Насилов).

Понимание грамматической категории "как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием (Бондарко, II), предполагает содержательную (семантическую) и структурную функции. По-видимому, совершенно прав В.З.Панфилов подчеркивая, что "наличие лишь одной грамматической формы, выражающей количественную характеристику предметов (их множественность), и второй формы нейтральной в этом отношении, еще не создает грамматической категории числа" (Панфилов, 233).

Анализ языкового материала чулымско-тюркского языка с точки зрения семантической нагрузки форм без -лар и форм с -лар приводит нас к мысли, что эти формы противопоставлены не по признаку единичности/множественности, а по признаку отсутствия/наличия количества. Именно поэтому, что форма с -лар выражает количество, можно сказать суг 'вода' - суглар 'много воды', қан 'кровь' - каннар 'много крови', қар 'снег' - қарлар 'много снега'.

Поскольку форма без -лар выражает идею отсутствия количества, а точнее индифферентность к идее количества, то она выражает (в синтагматике) и I) единичность и 2) наименование класса

плане количественном, а в плане целостном в виде объекта охоты (могалақ 'медведь', қара қузуруқ 'соболь' и т.д.), рыбной ловли (осхай 'стерлядь', па:зыр 'карась'и т.д.), товара (ат 'конь', инӗк 'корова', қой 'овца'), продукты питания (кара кӧбӳгай 'смородина', тал 'тальник', от 'трава'), использовавшихся для жизненных нужд.

Что касается существительных, обозначающих человека (қыз 'дочь, девочка', пала 'сын', аға 'отец', қат 'женщина', кер гижи 'старик') они, как правило, в значении собирательной множественности не употребляются. Не грамматичны предложения: кер кат калганнар 'старуха пришли', кер анайак туруптурлар 'старушка стоят', қыз пеганнар 'девочка пошли', в то время как ат туруптурлар 'конь (кони) стоят' грамматично.

Таким образом, форма с -лар противопоставляется форме без -лар, но это противопоставление не носит гомогенного характера морфологических категорий. Отсутствие структурной функции у анализируемых форм и использование разнообразных средств выражения значения единичности, не присущее самой форме без -лар, говорит о том, что мы имеем дело с понятийной категорией количества в чулымско-тюркском языке.

Выводы

I.I. Итак, исходя из соотношения глубинных и поверхностных структур, мы попытались определить набор семантических функций отдельных падежей и установить принципы (механизмы) функционирования падежной системы в целом.

В работе выявлены синтаксические и семантические функции падежных форм чулымско-тюркского языка. Все падежи на основе их соотношения с актантами глубинной структуры разделены на две группы: I) падежи, соотносящиеся с актантами, и 2) падежи, не имеющие семантических аналогов. К первой группе относятся: основной, винительный, дательно-направительный, орудный и исходный. Ко второй - местный и родительный.

Падежи первой группы, соотносящиеся с актантами глубинной структуры, обнаруживают семантическую неоднородность выделяемых в них значений. Среди их семантических функций (значений) были выделены первичные или основные, характеризующиеся актантной соотнесенностью (соотнесенностью с актантами первого ранга, т.е. участниками ситуации) и производные. Среди производных - выделены ведущие, основанные на соотнесенности с актантами второго ранга, и вторичные функции (частные значения), не имеющие актантной соотнесенности .

У основного падежа в чулымско-тюркском насчитывается три функции: первая,основанная на соотнесенности с агентом (функция подлежащего); вторая, соотнесенная с объектом (функция прямого дополнения), основанная на внутрисистемных отношениях,т.е. на его корреляции с винительным падежом для классификации объекта, наделенного признаком "невключенный" в сферу деятельности человека. Эту функцию можно считать вторичной. И третья

Выводы

I.I. Итак, исходя из соотношения глубинных и поверхностных структур, мы попытались определить набор семантических функций отдельных падежей и установить принципы (механизмы) функционирования падежной системы в целом.

В работе выявлены синтаксические и семантические функции падежных форм чулымско-тюркского языка. Все падежи на основе их соотношения с актантами глубинной структуры разделены на две группы: I) падежи, соотносящиеся с актантами, и 2) падежи, не имеющие семантических аналогов. К первой группе относятся: основной, винительный, дательно-направительный, орудный и исходный. Ко второй - местный и родительный.

Падежи первой группы, соотносящиеся с актантами глубинной структуры, обнаруживают семантическую неоднородность выделяемых в них значений. Среди их семантических функций (значений) были выделены первичные или основные, характеризующиеся актантной соотнесенностью (соотнесенностью с актантами первого ранга, т.е. участниками ситуации) и производные. Среди производных - выделены ведущие, основанные на соотнесенности с актантами второго ранга, и вторичные функции (частные значения), не имеющие актантной соотнесенности .

У основного падежа в чулымско-тюркском насчитывается три функции: первая,основанная на соотнесенности с агентом (функция подлежащего); вторая, соотнесенная с объектом (функция прямого дополнения), основанная на внутрисистемных отношениях,т.е. на его корреляции с винительным падежом для классификации объекта, наделенного признаком "невключенный" в сферу деятельности человека. Эту функцию можно считать вторичной. И третья

функция, выявляемая также исходя из внутрисистемных отношений на основе корреляции с родительным падежом, где актантная соотнесенность отсутствует.

У винительного падежа две функции, представленные синкретично в одной форме. Это обозначение объекта с одновременной его классификацией. На современном этапе развития чулымско-тюркского языка эта его функция классификатора стала главной в силу того, что для выражения объекта, как было показано при анализе основного падежа, в языке имеется ряд других средств. Семантика этого падежа обусловлена не только и не столько актантной соотнесенностью (обозначения объекта), сколько внутрисистемными отношениями основного и винительного падежей и используется в высказывании для классификации объекта, входящего в сферу существования субъекта.

У дательно-направительного падежа выделяется несколько функций: первая, основанная на соотнесенности с адресатом глубинной структуры - первичная функция -(функция косвенного дополнения). В этой функции форма дательно-направительного падежа выступает в своем основном значении адресата, которое в поверхностной структуре реализуется с различными лексико-семантическими группами глаголов. Вторая фуикция, основанная на соотнесенности с актантами второго ранга (т.е. причастными к месту совершения события - вторичная функция - это функция обстоятельства места, в которой форма дательно-направительного падежа выступает в своем производном значении пункта,к которому направлено действие-движение (т.е. локальное значение). Третья функция, основанная на отсутствии семантического аналога в глубинной структуре, функция обстоятельства и образа действия, в которой у имени в форме дательно-направительного падежа реализу-

ются частные значения времени и падежа.

Форма орудного падежа также полифункциональна. Первичная функция этого падежа, основанная на корреляции с семантическим инструментом,- это функция косвенного дополнения, передающая значение орудийности. Вторичная функция, основная на соотнесенности с актантами второго ранга, представляет собой функцию обстоятельства, в котором имя в форме орудного падежа выступает в локальном значении. Третья функция, вытекающая из отсутствия семантического аналога в глубинной структуре - функция определения (кат отпыла 'женщина с цветком', например), или части подлежащего (например, пис агамбыла 'мы с отцом'). В этой функции имя в форме орудного падежа выступает в частном значении - совместности. То же можно констатировать и о темпоральном значении имени в форме орудного падежа.

У исходного падежа основной функцией, обусловленной соотнесенностью с актантами второго ранга, является функция обстоятельства и косвенного дополнения в зависимости от лексической заполняемости синтаксической позиции. В этой функции имя в форме исходного падежа выступает в своем основном значении: исходный пункт действия, движения.

Все остальные значения: времени, причины, стоимости, материала являются частными значениями формы исходного падежа, так как они вытекают из отсутствия актантной соотнесенности в глубинной структуре.

Местный и родительный падежи относятся, как было упомянуто выше, к падежам, не имеющим семантических аналогов в глубинной структуре.

Основной функцией местного падежа является функция обстоятельственного комплимента синтаксического предиката. Эта функ-

ция является обязательной только при экзистенциальных глаголах, с глаголами же других лексико-семантических групп имя в форме местного падежа выступает в функции детерминанта всего предложения.

У родительного падежа две функции, представленные синкретично в одной форме. Это функция определения с одновременной его классификацией включенности в сферу посессивности субъекта. Семантика его как классификатора значения принадлежности обусловлена внутрисистемными отношениями с формой основного падежа на основе универсальной оппозиции близкий/далекий.

Таким образом, система падежей не повторяет систему актантов, так как в системе языка один и тот же падеж может служить для выражения отношений актантов разных рангов, например, дательно-направительный и орудный падежи. На синтаксическом же уровне приобретают значение такие позиции, которые отсутствуют на глубинном уровне. Так, для семантической модели не важна структура актанта, его одноэлементность или двухэлементность, для синтаксической же очень важно, например, в высказываниях типа мӓн агамбыла 'я с отцом' для значения совместности есть специальная синтаксическая позиция.

I.2. На основе выделенных дифференциальных признаков на семантическом уровне мы приводим таблицу дифференциальных признаков падежных форм чулымско-тюркского языка.

падеж	направленность	способ связи
основной	-	-
винительный	к (предмету)	прямой
дательный	к (предмету)	косвенный
орудный	от (предмета)	косвенный
исходный	от (предмета)	прямой

На основе выделенных дифференциальных признаков можно определить падежные корреляции в чулымско-тюркском языке (по-видимому, и в других тюркских языках):

1) основной падеж, будучи немаркированным ни по признаку направленности, ни по способу связи, коррелирует с винительным и родительным падежами;

2) винительный и дательный падежи
   1) одинаковая направленность (к),
   2) разный способ связи: прямой, косвенный;

3) дательный и орудный падежи
   1) разная направленность (к, от)
   2) одинаковый способ связи: косвенность;

4) орудный и исходный падежи
   1) одинаковая направленность(от)
   2) разный способ связи: косвенный, прямой.

I.8. Основой, объясняющей механизм функционирования категории принадлежности в чулымско-тюркском языке (возможно, и в других тюркских языках), по-видимому, является универсальная семантическая оппозиция включенности/невключенности. Будучи семантической доминантой чулымско-тюркского имени, категория принадлежности выражает отношение включенности лица (предмета) в сферу существования другого.

Дифференциация объектов по признаку включенности/невключенности выражается на разных уровнях языковой структуры и разными языковыми средствами. Так, на коммуникативном уровне происходит дифференциация объектов по признаку включенности в сферу говорящего, т.е. участников коммуникации (I, 2 лицо), с одной стороны, и в сферу лица (предмета), не являющегося участником коммуникации (3 лицо) - с другой стороны.

Формальным средством выражения признака включенности является маркирование имен аффиксом принадлежности. Имена, обозначающие признак неотчуждаемости, всегда маркированы формантом принадлежности, т.е. отмечены постоянным признаком включенности; имена, обозначающие признак отчуждаемости, классифицируются как включенные или невключенные в зависимости от ситуации. Когда они классифицируются как включенные, они выражаются в языке формально средствами категории принадлежности; когда же они классифицируются как невключенные в сферу существования лица (объекта), они не маркируются аффиксом принадлежности.

I.4. Анализ чулымско-тюркского материала с точки зрения семантической нагрузки форм без -лар и форм с -лар дает нам основание предположить, что противопоставление этих форм осуществляется не по идее числа, а по идее количества. Именно этим объясняется возможность присоединения форманта -лар как к конкретным, так и к вещественным существительным. Оппозиция форм без форманта -лар и форм с формантом -лар не носит гомогенного характера морфологических категорий. Отсутствие структурной функции у указанных форм и использование разнообразных средств выражения значения единичности свидетельствует о том, что речь идет о понятийной категории количества в чулымско-тюркском языке.

I.5. Анализ падежных форм свидетельствует о том, что чулымско-тюркский язык имеет наибольшие схождения с качинским диалектом хакасского языка и тофаларским. Форманты исходного падежа и 2 лица множественного числа категории принадлежности имеют параллели только с уйгурским языком. Таким образом, в области склонения чулымско-тюркский язык имеет наибольшие схождения не с кюэрикским наречием (бытовавшим еще в начале

XX века в Причулымье), а с качинским диалектом хакасского языка и тофаларским. Некоторые схождения с кызыльским диалектом, в частности, в оформлении орудного падежа, имеются в мелецком говоре среднечулымского диалекта.

Формы множественного числа чулымско-тюркского языка параллельны формам качинского, сагайского, кызыльского диалектов хакасского языка и тофаларского языка.

Следовательно, никаких общностей, кроме общетюркских у чулымско-тюркского языка с диалектами сибирских татар не имеется. Этот вывод, сделанный А.П.Дульзоном на материале сравнения других языковых единиц, подтверждается нами на материале категорий имени существительного.

Транскрипция

ӓ	-	очень открытое е
ä	-	переднее а
ъ	-	редуцированный звук
ӧ	-	огубленный гласный переднего ряда среднего подъема
ӱ	-	огубленный гласный переднего ряда высокого подъема
в	-	губно=губной согласный
х	-	увулярный спирант
қ	-	увулярный смычный
к	-	заднесреднеязычный смычный
ң	-	заднеязычный носовой сонант
:	-	долгота гласного звука
,	-	палатализация согласного звука

Список использованной литературы

Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике.- Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, т.XXXП, 1973, вып.I.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл, М., 1976.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Части речи и словообразование. АДД, М.-Л., 1950.

Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.

Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966.

Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. М., 1977.

Бирюкович Р.М. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке.- "Советская тюркология", 1975, № 6.

Благова Г.Ф. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения.- Вопросы языкознания", 1970, № I.

Богородицкий В.А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских языках.- Вестник научного общества татароведения, Казань, 1925.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

Бондаренко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Боргояков М.И. Бельтирский говор сагайского диалекта.- Сб. Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке, Абакан, 1976.

Венокович М.С. Понятие ситуации и смысл высказывания.- Сб.научных трудов МГПИИЯ, вып.95, 1976.

Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках.- "Советская тюркология", 1970, № 2.

Гаджиева Н.З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков.- "Советская тюркология", 1972, № 3.

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Гаджиева Н.З. О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков.- "Советская тюркология", 1976, № 5.

Гак В.А. Высказывание и ситуация. Сб. Проблемы структурной лингвистики. 1972, М., 1973.

Грамматика русского языка. Москва, 1970.

Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.- "Вопросы языкознания", 1975, № 3.

Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.

Дмитриев Н.К. Категория принадлежности. Сб. "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", М., 1956(а).

Дмитриев Н.К. Категория числа.- Сб. "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956(б).

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. В кн.: Языки народов СССР, ч.П, М., 1966.

Доможаков Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949.

Доможаков Н.Г. Нижнеюсцы (материалы по языку). Уч.зап. Хак. НИИЯЛИ, УШ, Абакан, 1960.

Донидзе Г. Формы и значения творительного падежа в хакасском литературном языке.- В кн.: Вопросы хакасского языка и литературы. Материалы и сообщения. Абакан, 1955.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык. Уч.зап. ТПИ, т.IX, 1952.

Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи. Уч.зап.ТГПИ, т.I5, Томск, 1956.

Дульзон А.П. Тюркские языки и диалекты Западной Сибири. Уч.зап. ТГПИ, т.I6, Томск, 1957.

Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык.- В кн.: Языки народов СССР, М., 1966.

Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири. Уч.зап.Хак.НИИЯЛИ, вып.XУШ. Абакан,1973.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка, М.-Л., 1941.

Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.

Дыренкова Н.П. Тофаларский язык.- В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.

Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках.- В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.

Иванов С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, 1969.

Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка).- Советская тюркология, 1978, № I.

Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, Л., 1975.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Казембек М.А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с I5 мая по I сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.,1972.

Кацнельсон С.Д. О категории субъекта предложения. В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974.

Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

Кривченко Е.Л. К вопросу об определении значения актантов. (в печати). Сб.Проблемы семантики синтаксиса.Куйбышев,1980

Курилович Е.Р. Заметки о значении слова.- Вопросы языкознания, 1955, № 3.

Курилович Е. Проблема классификации падежей.- Сб.Е.Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Курышжанов А. Значение аккузатива в языке "Codex Cumanicus".- Известия АН Каз.ССР, серия филологии и искусствоведения. Алма-Ата, 1957, вып.I(6).

Ломтев Т.П. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката.- В кн.: Славянское языкознание (УI Международный съезд славистов, Прага, 1968), М., 1968.

Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.-Л., 1957.

Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова.- Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии,апрель 1909, № 9.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. Сб. Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Мусаев К.М. Строй караимского языка АДД. Баку, 1968.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. 1940.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Общее языкознание. Методы лингвистического анализа. М., 1973.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., Наука, 1974.

Патачакова Д.Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка.- В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, IУ, Баку, 1966.

Патачакова Д.Ф. Качинский диалект.- Сб. Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект.- Сб. Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.

Принципы описания языков мира. М., 1976.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922.

Севортян Э.В. Категория падежа.- Сб. -Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч.П, М., 1956.

Сепир Э. Язык. Соцэкиз, 1934.

Сергеев В.И. Лексический способ выражения множественности в чувашском языке.- "Советская тюркология", 1973, № 3.

Серебренников Б.А. К вопросу о происхождении элемента К (g, q, j) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках.- Краткие сообщения Ин-та народов Азии, 83, Монголоведение и тюркология, М., 1964.

Серебренников Б.А. К вопросу о "морфологизме". В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965а.

Серебренников Б.А. О некоторых приемах восстановления архаичных черт грамматического строя языков.- Вопросы языкознания, 1965, № 4 (б).

Серебренников Б.А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа - lar в тюркских языках.- Советская тюркология, 1970, № 1.

Серебрянников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках.- В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского. М., 1971.

Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Серебренников Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания.- В кн.: Описание языков мира. М., 1976.

Современный татарский литературный язык. М., 1969.

Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей.- Вопросы языкознания, 1968, № 6.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения АДД. Л., 1973

Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна.- Сб. Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1960.

Тенишев Э.Р. Строй Серыг-югурского языка. М., 1976а.

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М., 1976б.

Тумашева Д.Г. Кенбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һем сүзлек. Казан университеты нешрияты, 1961.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

Тумянц Л.Р. О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке.-"Советская тюркология", 1976, № 4.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч.I. Простое предложение. М.-Л., 1950.

Убрятова Е.И. Вопросы диалектологии тюркских языков.- ВДТЯ, т.Ш, Баку, 1963.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч.П. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

Ураев Р.А. Говор дер.Ежи. Уч.зап. Т.П.И., т.ХШ, 1955.

Успенский В.А. К понятию диатезы. Сб. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Филин Ф.П. Некоторые вопросы развития языков народов СССР.- "Вестник АН СССР", 1966, № II.

Филин Ф.П. Проблемы социальной обусловленности языка.- Язык и общество: Тезисы докладов. М., 1966.

Фисакова Г.Г. Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. АКД. Новосибирск., 1970.

Чешко Е.В. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке.- В кн.: "Вопросы грамматики болгарского литературного языка", М., 1959.

Чешко Е.В. К вопросу о падежных корреляциях.- Вопросы языкознания, 1960, № 2.

Цивьян Т.В. О некоторых способах отражения в языке оппозиций внутренний/внешний. Сб. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Шведова Н.Ю. Существуют ли детерминанты как самостоятельные распространители предложения. Вопросы языкознания, 1968, № 2.

Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя Л., 1977.

Языки народов СССР. Тюркские языки. т.П, М., 1966.

Fillmore Ch. The case for case. Universals in linguistic theory. New York, 1968.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre. "Travaux du cercle linguistique de Prague", v.6, 1936.

Menges K. The turcic languages and peoples (an introduction to turcic studies). Wiesbaden, 1968.

Pritsak O. Das Abakan-und Culymturkische und das Schorische Philologie Turcicae Fundamenta. Bd.1, Wiesbad, 1959.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, SPb, 1897.

Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

Содержание

Предисловие I
Введение 4
Категория склонения I0
Основной падеж I4
Родительный падеж I7
Винительный падеж 24
Дательно-направительный падеж 32
Орудный падеж 39
Исходный падеж 46
Местный падеж 52
Форма на-ча 56
Категория принадлежности 6I
Категория числа 68
Выводы 75
Транскрипция 82
Список использованной литературы 83

Цена 40 коп.

А-11845

Подписано в печать 16 мая 1979 г. Заказ № 165-79 г.

Тираж 500 экз. Отпечатано на ротапринте ИФАН
Волхонка, 14.